

АЛЕКСАНДРА
МАРИНИНА

Стечение
обстоятельств

Каменская

Александра Маринина
Стечение обстоятельств

«Автор»

1992

Маринина А.

Стечение обстоятельств / А. Маринина — «Автор»,
1992 — (Каменская)

ISBN 5-699-04147-8

Интересно съесть ужин, приготовленный убийцей. Что Настя Каменская и делает: причем в компании самого «повара». Таково стечение обстоятельств: она вычислила киллера, его сообщников, но для того, чтобы получить неопровержимые доказательства, ей надо «раскрутить» расчетливого и хладнокровного профи по всей программе. Вот она и старается, отчетливо понимая, что любое неосторожное слово или движение может стоить ей жизни. За окном поздний вечер, и до утра еще целая вечность...

ISBN 5-699-04147-8

© Маринина А., 1992

© Автор, 1992

Содержание

К читателю	5
Глава 1	7
Глава 2	12
Глава 3	27
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Александра Маринина

Стечение обстоятельств

К читателю

В декабре 1992 года я уезжала в отпуск, держа в одной руке дорожную сумку, в другой – портативную пишущую машинку «Унис». Я собиралась написать первую книгу о Насте Каменской. В голове на тот момент не было ничего толкового и связного, кроме единственной картинки: женщина примерно моего возраста и моего служебного положения (в то время я была старшим научным сотрудником отдела анализа и прогнозирования преступности) оказалась обманутой человеком, который попросил написать ему за деньги диссертацию и, получив выполненную работу, скрылся, не заплатив. Женщина (впоследствии у нее появилось имя – Ирина Филатова) не стала прилагать усилия к тому, чтобы искать обманщика, обиду проглотила, но не забыла. И когда судьба случайно свела ее с этим человеком, стала методично превращать его жизнь в медленно нарастающий кошмар. «Зачем вы это делаете, Ирина?» – спросил высокопоставленный мошенник. «Я вас ненавижу. Я хочу вас уничтожить», – ответила та.

Эта картинка стояла у меня перед глазами многие месяцы, задолго до того, как мне вообще пришла в голову мысль попробовать написать детективную повесть. В нашей системе МВД (но знаю точно, что не в ней одной) практика написания за деньги или за покровительство диссертаций существовала давно и цвела пышным цветом, я была знакома со многими истинными и «подставными» авторами подобных научных трудов, знавала и людей (не стану лгать, их было крайне немного), обманутых так же, как и моя Ирина Филатова. Особенно больно мне бывало, когда «жертвой» обмана оказывалась женщина, ибо я понимала: недобросовестный заказчик рассчитывал именно на то, что женщина не станет связываться с его поисками и выколачиванием денег, женщина слаба и беззащитна, а если у нее вдруг случайно оказались неплохие мозги, то вполне можно попытаться поэксплуатировать их бесплатно.

Постепенно из бессвязной картинки проросла мысль: самую большую ошибку мужчины совершают тогда, когда недооценивают женщину. Вот тогда и родилась Настя Каменская, но в декабре 1992 года я ни на мгновение не предполагала, что ей предстоит долгая жизнь в двух десятках книг. «Стечение обстоятельств» писалось ради интереса (хотелось в неподсудной служебным разбирательствам форме выплеснуть негодование в адрес начальников, жаждущих заполучить вожака в желаемую степень кандидата или доктора наук), азарта и любопытства: а сумею ли?

Сегодня закончен двадцать первый роман о Насте Каменской и ее коллегах, друзьях и родственниках. Журналисты часто спрашивают меня, откуда берутся сюжеты моих детективов, уж не из моей ли собственной милицмейской практики. Я долго и нудно каждый раз объясняю им, как обстоит дело, и все жду, когда же кто-нибудь спросит меня: зачем я пишу свои книги?

До сих пор никто об этом не спросил. А если бы спросили, я бы ответила, что пишу не ради того, чтобы рассказать о преступлении, потому что в самом преступлении нет ничего интересного. Мне интересны люди, их мысли, чувства, переживания, побуждения и мотивы, которые толкают их на те или иные поступки, и не имеет значения, в чем эти поступки выражаются: в совершении ли преступления или в выборе пути поиска преступника.

И есть еще одна вещь, которая для меня важна и о которой каждая моя книга. Нет в мире ничего абсолютно хорошего и абсолютно плохого, все положительное, доведенное до абсурда, превращается в негативное, точно так же и все плохое имеет свои положительные стороны. Все переплетено и взаимосвязано столь тесно, что человечество за многие столетия так и не смогло дать точное определение, что же такое добро и что такое зло.

Спасибо вам, всем тем, кому нравятся мои книги и кто любит мою Настю. Спасибо и тем, кому эти книги не нравятся, потому что эти люди взяли на себя труд как минимум открыть книгу и прочесть хотя бы несколько страниц. Удачи вам, успехов и радости!

С уважением

Александра Маринина

Глава 1

Убийц было трое – Заказчик, Организатор и Исполнитель.

Лучше всех в эту ночь чувствовал себя Заказчик. Он принял решение, дал нужные указания и теперь ждал, когда ему доложат о результатах. Нет, конечно, само решение далось ему трудно, после долгих раздумий и расчетов, после многочисленных попыток решить дело другими, более мягкими мерами – деньгами, уговорами, угрозами. Заказчик вовсе не хотел становиться убийцей, но рисковать своим статусом он хотел еще меньше. К нынешнему служебному положению Заказчик пришел из крепкого комсомольско-партийного прошлого и к своим сорока двум годам стал профессиональным начальником. Это означало, что главным для него было родить идею, с которой можно выслужиться перед вышестоящим руководством, правильно выбрать человека, который сможет организовать воплощение идеи в жизнь и с которого, кстати, можно спросить за невыполнение указаний. Заказчик, как и все такого рода начальники, никогда ничего не делал сам. Дав указания, он облегченно вздыхал и не тревожился мыслями о возможной неудаче, ибо был твердо уверен: раз он велел – все будет сделано. Основа исполнительности – страх. А заставить исполнителей бояться себя он умел. И на этот раз он, приняв решение, переложил все заботы на Организатора, а сам впервые за последние полгода спал спокойно.

Организатор, наоборот, потерял сон. С того самого дня две недели назад, когда Заказчик внезапно объявился и потребовал встречи. Организатор занимал теперь положение, пожалуй, повыше, чем его старый знакомый, и с неудовольствием думал, что тот будет о чем-нибудь просить, слегка шантажируя их прошлыми отношениями. Но все оказалось куда хуже. Вокруг Заказчика мог разгореться скандал, и в орбиту этого скандала, если дело заварится круто, может попасть и он, Организатор. Все зависит от того, насколько глубоко будут копать. А уж если выплывет имя Организатора или хотя бы даже намек на него, то эти шакалы из группы Ковалева сгрызут его в мгновение ока на радость себе и газетчикам. Прошное у Организатора было, прямо скажем, грязноватое. Просто пока никому и в голову не приходило в нем разбираться. Но если начнут – конец.

Получив заказ, Организатор нашел Исполнителя и передал ему все сведения, которые получил от Заказчика. Срок Исполнителю дали до понедельника. Сегодня пятница, вернее, уже суббота. Пока он не звонил. Организатор четвертую ночь не спит, плетет жене какую-то чушь о срочном докладе в аппарат Президента, сидит на кухне и с ужасом ждет. Чего он ждет? Сообщения о том, что опасность устранена и скандала не будет? Или о том, что у Исполнителя ничего не вышло и нужно искать другой выход? Какое бы известие он ни получил, для него это будет означать только отсрочку: либо его скинут политические противники, либо посадят за соучастие в убийстве. Вопрос только в том, кто быстрее обернется. Конечно, Исполнитель – парень надежный, с хорошими рекомендациями. И сейчас только от него зависит, превратятся ли Заказчик и Организатор из уважаемых должностных лиц в банальных уголовников. Все в его руках. Все.

Исполнитель тоже не спал, но не от тревоги и беспокойства. Он был на работе. Он ждал жертву.

Исполнитель знал, что человек, которого ему поручили устранить, находится в командировке и на работу выйдет в понедельник. В такой ситуации, как он рассудил, люди приезжают домой или в четверг, а пятницу прогуливают, или в пятницу-субботу. На всякий случай Исполнитель занял свой пост в квартире жертвы в четверг днем. Он был уверен, что никто другой сюда не придет. Уже тридцать шесть часов он сидит здесь, натянув на руки хирургические перчатки и обвязав кроссовки полиэтиленовыми пакетами. Исполнитель был истинным охотником, и томительное ожидание его не нервировало. Он мог часами сидеть неподвижно,

словно погрузившись в анабиоз, не издавая при этом ни малейшего шороха. Периодически он вставал, разминался, пил чай, жевал принесенные с собой бутерброды и шоколад, заходил в ванную, умывался и снова садился в кресло. Иногда он снимал перчатки и, держа руки на весу, давал коже подышать. Исполнителя развлекала мысль о том, что прямо напротив дома, где он находился, располагалась Московская школа милиции. Под влиянием этого факта он внес небольшие коррективы в продуманный заранее план убийства и слегка развеселился. Вообще-то Исполнитель был человеком серьезным, даже суровым, и юмор у него был мрачным.

Он совсем не думал о том, что от успеха операции зависит чье-то благополучие, даже жизнь. Он был на работе и думал только о том, что от исхода дела зависит его репутация и, стало быть, будущие заказы и плата за их выполнение. Он никогда не имел дела с теми, кого пресса называет «мафиозными группировками», считал их людьми недалекими и неинтересными. Он работал на больших людей, для которых важно, чтобы даже само слово «убийство» ни у кого в голове не возникло. Исполнитель был специалистом по несчастным случаям и скоропостижным смертям. До сих пор у него не случалось осечек, хотя в последний год работать стало неизмеримо труднее. Год назад умер человек, который был его, Исполнителя, крестным отцом – в том смысле, что учил его мастерству: выдержке, аккуратности, терпению, предусмотрительности. Он был не только учителем, но и первым заказчиком, проверившим его в деле и давшим ему своими рекомендациями «путевку в жизнь». По части безопасности и заматаивания следов он был блестящим специалистом. Когда он умер, Исполнитель понял, что за этой «скоропостижной» смертью стояло тщательно спланированное убийство. Работу профессионалов опытный глаз видит сразу. Что ж, большая политика грязи не любит. Пока крестный был жив, Исполнитель имел дело с людьми его круга, многократно проверенными и стопроцентно надежными. Теперь же осторожность приходилось удваивать, потому что новым заказчикам рекомендаций никто не выдавал. Вот и это задание он получил неизвестно от кого. Просто обнаружил в почтовом ящике открытку с приглашением в Москву на пятидесятилетний юбилей, который будет праздноваться в ресторане гостиницы «Белград» 6 июня в девятнадцать ноль-ноль. Он сел в поезд, приехал в Москву и в указанный день в одиннадцать часов вечера подошел к гостинице (ко времени, написанному в приглашении, следовало прибавить четыре часа). Дальше все шло по годами отработанной схеме. Уже через десять минут Исполнителю изложили заказ, продиктовали медленно и четко нужные сведения и передали задаток. Вот и все. Никаких лишних разговоров. В этой среде испокон веков существуют свои правила, здесь не ведут разговоров о гарантиях и не пытаются друг друга надуть. Отлаженная система контроля никому не позволяет выкидывать фортели, и Исполнитель знал: есть люди, которые позаботятся о том, чтобы оплату за свой труд он получил вовремя и полностью, и которые проследят за тем, чтобы он не схалтурил.

Дурные предчувствия не томили Исполнителя. Он не тешил себя мыслями о своей исключительности и неуязвимости, прекрасно понимая, что рано или поздно либо сам совершит ошибку, либо обстоятельства сложатся особенно неблагоприятно, и относился к этому философски. Он не был садистом и не получал удовольствия от своей работы. Просто он умел ее делать хорошо и нашел среду, в которой на эту работу всегда есть спрос.

* * *

Толпа у стойки регистрации поредела, и Захаров тронул за локоть своего спутника.

– Пойдемте, Аркадий Леонтьевич. Регистрация на ваш рейс заканчивается.

Пожилый subtilный Аркадий Леонтьевич нервно поправил очки и двинулся к стойке.

– Ну, спасибо, Дима, – напряженно улыбнулся он, забирая у девушки-регистратора свой билет. – Мне было приятно с вами общаться. Передайте вашему шефу благодарность от меня. У вас чаевые, как я понимаю, не приняты?

– Ни в коем случае, – подтвердил Захаров. – Оплата только через фирму.

– Жаль, – огорченно вздохнул Аркадий Леонтьевич. – Я хотел бы отблагодарить вас лично. Вы мне очень понравились. Но нельзя так нельзя.

– Для нас лучшая благодарность – повторное обращение в нашу фирму.

Произнося эту дежурную фразу, Дима легонько подтолкнул своего клиента к выходу на посадку. «Иди уж наконец, – устало подумал он. – Время два часа ночи, я хочу спать, а ты мне своей благодарностью голову морочишь».

– Счастливого пути, Аркадий Леонтьевич! Будете в Москве – мы к вашим услугам.

– Да-да, непременно, Дима, непременно. Буду иметь дело только с вашим агентством. Еще раз спасибо!

Расставшись с Аркадием Леонтьевичем, Дима Захаров облегченно вздохнул. Нелегкая это работа – обеспечивать охрану трусливого миллионера.

Выйдя из здания аэропорта, Дима бегом припустился к машине. За те без малого два часа, что он проторчал с клиентом в аэропорту, дождь не только не прекратился, но стал, кажется, еще сильнее. Захаров завел мотор и уже начал было трогаться, когда заметил женщину, медленно бредущую со стороны зоны прилета. Она была без зонта, несла в руке большую спортивную сумку и показалась Диме ужасно несчастной. Автобусы до городского аэровокзала уже не ходили, и Дима сочувственно подумал, что женщине придется либо ждать в аэропорту до утра, сидя на своей сумке в насквозь мокрой одежде, и наверняка получить простуду, либо ехать на такси, выложив за это сумму, раза в два превышающую ее зарплату.

Захаров мигнул фарами и медленно подкатил к женщине.

– Вам в город? – спросил он, опустив стекло на задней двери.

– Юго-Запад, улица Волгина. Подвезете? – В голосе ее Дима не слышал ни радости, ни облегчения. Какая-то безысходная покорность судьбе.

– Садитесь. – Дима быстро поднял стекло и открыл ей дверь.

Прежде чем тронуться, он спросил:

– Знаете, сколько это будет стоить?

– Догадываюсь, – усмехнулась пассажирка, пристраивая сумку на коленях.

– Штуку, – уточнил Захаров, выжидая, глядя на нее. Про себя он решил, что все равно повезет женщину в город, даже если денег у нее нет, потому что ехать-то из Внукова так или иначе придется через Юго-Запад. Но равнодушные пассажирки, которой на голову свалилась такая редкостная удача – доехать глухой ночью из аэропорта до дома за треть цены, – его задело.

– Да-да, конечно, – рассеянно бросила женщина. – Обычно берут дороже. Или я ошибаюсь?

– Не ошибаетесь, – улыбнулся Дима. – Таксисты и частники берут за такой маршрут ночью минимум три тысячи.

– А вы?

– А я не частник. Я товарища провожал и собирался ехать домой. Увидел вас, такую промокшую, несчастную, с тяжелой сумкой, и стало мне вас жалко чуть не до слез. Ведь за три тысячи вы бы не поехали, правда?

– Правда, – сухо ответила пассажирка. И все-таки Дима Захаров был уверен, что денег у нее нет, даже тысячи.

В свете фонарей Дима пытался исподволь разглядеть свою попутчицу. Лет тридцать или чуть больше, лицо усталое, сильно накрашенное, короткие черные волосы, одежда недорогая, украшения – бижутерия. На повороте женщина чуть качнулась к нему, и Дима уловил запах редких дорогих духов «Циннабар», а уж в духах он разбирался неплохо. «Надо же, – удивленно подумал Дима, – духи у нее стоят столько же, сколько вся одежда, вместе взятая».

Женщина между тем открыла «молнию» на сумке, достала маленькое полотенце и стала вытирать волосы.

– Как же вы без зонта в такой-то ливень? – посочувствовал Дима.

– Не люблю в командировку лишние вещи таскать, – коротко ответила пассажирка. Потом, видно, спохватилась и решила быть повежливее: – Никогда не знаешь, где окажешься, поэтому сумка должна быть легкой. Верно?

– Часто приходится ездить? – поинтересовался Захаров.

– Когда как. – Женщина пожала плечами. – Случается, целый год сидишь в Москве, никто тебя не трогает, а потом командировки начинают сыпаться одна за другой, не успеваешь сумку разобрать, как уже надо опять собираться.

– Что же это у вас за работа такая? – Дима был вовсе не прочь потрепаться «ни о чем», чтобы дорога не была скучной.

– Обычная работа. Якобы научная.

– Почему якобы? – удивился Дима.

– Потому что те, кто этой работой занимается, считают ее научной. А все остальные полагают, что мы проедаем государственные деньги без всякой пользы и занимаемся не наукой, а болтологией.

– Но вас же посылают в командировки, значит, в вашей работе какую-то пользу все-таки видят. Разве не так?

– Не так. Нас используют не как научных работников, а как дешевую рабочую силу. Например, при проведении инспекторских проверок, когда нужны лишние рабочие руки. Как это ни грустно, наши знания никому не нужны.

– Но почему?

– Да потому, что есть три сферы, в которых каждый считает себя специалистом: политика, воспитание детей и борьба с преступностью. Все почему-то считают, что в этих вопросах все совершенно очевидно на уровне обычного здравого смысла. И никакая наука здесь не нужна. Вам приходилось видеть, как люди гадко усмеваются при словах «кандидат педагогических наук»?

– А вы кандидат именно педагогических наук? – Дима не смог сдержать улыбку.

– Нет, я юрист. Но мое положение ничем не лучше. Знаете, как министерские чиновники смотрят на нас, когда мы им приносим документы? Как на попрошаек-графоманов. Мол, опять принесли какую-то чушь, все пишут и пишут, прямо спасу от вас, ученых, нет, нам надо вал преступности останавливать, а вы у нас, таких занятых, время отнимаете, заставляете всякие глупости ваши читать. А потом, недели так через две-три, откроешь газету, а в ней – интервью с сотрудниками министерства, где черным по белому твои же слова из этого самого документа приводятся, только авторство уже не твое. И гонорар не ты получаешь.

– И большие гонорары?

– Копеечные. Да не в них же дело! Просто противно, когда тебя считают полным дерьмом, ничтожеством, у которого можно украсть мысль и даже не поблагодарить, я уж не говорю об извинениях. И знаете, что самое забавное? Большинство таких начальников очень даже не прочь занять кандидатскую степень. Сами они, конечно, написать диссертацию не могут. Их пристраивают соискателями к какому-нибудь маститому профессору, который и пишет им в обмен на ящики с коньяком, дары юга и отдых на взморье. А после защиты эти новоиспеченные кандидаты с еще большим рвением начинают давить науку, приговаривая: «Я сам кандидат наук, я не хуже вас знаю!» Смешно?

Дима промолчал. Он мог бы тоже разоткровенничаться и рассказать своей случайной попутчице, что больше десяти лет работал в милиции, что среди практических работников отношение к милицмейской науке было именно таким, как она рассказывает. Мог бы посетовать на недальновидность начальников и несправедливость судьбы. Мог бы рассказать ей, что, уйдя из милиции, он начал работать в частной фирме, занимающейся тем, что весьма обтекаемо называется «коммерческой безопасностью». Их разговор, возможно, стал бы более професси-

ональным и более доверительным, они, несомненно, нашли бы с дюжину общих знакомых, может быть, даже прониклись бы друг к другу симпатией, и их знакомство закончилось бы совсем по-другому. Все это могло случиться. Но не случилось. Дима Захаров промолчал.

Машина стояла перед светофором на залитом светом перекрестке.

– Я знаю, о чем вы сейчас думаете, – вдруг сказала пассажирка. – Вы пытаетесь прикинуть, есть у меня деньги или нет.

– Я решил, что денег у вас нет, – честно признался Захаров, оторопев от неожиданности.

– Почти правильно. С собой действительно нет, а дома есть. Так что не переживайте. – Она улыбнулась. – Я понимаю: если судить по моему внешнему виду, трудно заподозрить меня в расточительности.

Через несколько минут они подъехали к зданию школы милиции на улице Волгина.

– Сейчас налево, – сказала женщина, – и еще раз налево вдоль дома. Вот здесь, возле арки.

Вдоль фасада шел широкий газон, и Дима подумал, что, пока она дойдет до подъезда, опять вымокнет. Ему стало жаль ее, женщину, которая мотается по командировкам, которую никто не встречает и которая, судя по всему, привыкла надеяться только на себя.

– Давайте я въеду под арку, до подъезда будет ближе, – предложил Захаров.

– Спасибо, – благодарно сказала женщина, открывая сумочку. – Я вам паспорт оставлю в залог, ладно? Или, может быть, подниметесь со мной?

– Ну нет, – хмыкнул Дима, – в наше время машину и на секунду оставить нельзя – разденут. А закрывать ее, снимать зеркала и дворники, потом снова надевать – дольше выйдет. Давайте паспорт.

– Я быстро, – пообещала пассажирка, выходя из машины.

Дима развернулся, поставил машину так, чтобы было удобно выезжать из-под арки, заглушил мотор и притушил фары. Сидя в теплой машине, он курил и неторопливо прикидывал распорядок на завтрашний день. В десять надо быть на работе, в двенадцать тридцать забрать Веру из школы и отвезти к бабушке на дачу, успеть обернуться до пяти, потому что в пять семнадцать на Белорусский вокзал поездом Берлин – Москва приезжает очередной сумасшедший клиент, напуганный разговорами о разгуле преступности в русской столице. Клиента надо будет отвезти в гостиницу. Вечер пока трудно планировать: шеф дал понять, что клиент непростой и ему, кроме личной охраны, могут понадобиться услуги, как он выразился, информационного характера...

Дима посмотрел на часы. Без двадцати три. Он ждет уже пятнадцать минут. Странно. На «динамистку» она не похожа, да и паспорт оставила. Не может деньги найти? Уехала в командировку, а муж-пьяница все пропил. Или сын-балбес все на жвачку истратил. Дима пролистал паспорт. Филатова Ирина Сергеевна, москвичка, фотография, безусловно, ее, штамп о регистрации брака, штамп о расторжении брака, прописка. Дети в паспорте не записаны, стало быть, их нет.

Дверь подъезда открылась, на асфальт упал прямоугольник света. Дима потянулся было к рукоятке, чтобы опустить стекло, но из дома вышел какой-то мужчина. Сколько можно ждать, в конце концов? Дима снова открыл паспорт на странице с пропиской, посмотрел номер квартиры и решительно вышел из машины.

Глава 2

В понедельник Настя Каменская проснулась, как всегда, разбитая, она была настоящей «совой», засыпала поздно, и подъем в семь утра был для нее мучительной процедурой. Настя с трудом вытащила себя из сна и, тяжело волоча ноги, поплелась в ванную.

Господи, как же противно на себя смотреть. Лицо припухшее, под глазами мешки – уго-раздило же выпить на ночь две чашки чая, знает ведь, что за два часа до сна нельзя ни капли жидкости, иначе к утру лицо отекает. Ох как хочется спать...

Настя встала под душ, включила воду, сначала горячую, потом прохладную, и стала терпеливо ждать, пока организм проснется. Обычно на это уходило минут десять. Вяло орудуя зубной щеткой, Настя попыталась умножить тридцать семь на восемьдесят четыре. Сбилась. Сонный мозг отказывался производить простейшие операции. Сменила числа и попробовала еще раз. Получилось. Начала перемножать трехзначные числа. Процесс пробуждения шел успешно, потому что произведение получалось с первой попытки. Последняя проверка – вспомнить десять слов на шведском языке. На этот раз Настя называла про себя слова, обозначающие предметы кухонного обихода. Вообще-то она не учила шведский язык, равно как и множество других, но любила запоминать слова, как она сама признавалась, для умственной гимнастики. Настя знала примерно по пятьсот слов из всех европейских языков. Дело в том, что ее мать была уникальным специалистом по составлению программ компьютерного обучения иностранным языкам, и все свои идеи и методические находки профессор Каменская пробовала и отработывала на дочери.

На девятом слове Настя почувствовала, что замерзает – вода оказалась слишком холодной. Она напрягла память, извлекла из ее недр шведский синоним слова «сито» и быстро схватила полотенце.

Полдела сделано, мозг приведен в рабочее состояние. Теперь нужно заставить тело двигаться. Настя пошла на кухню и принялась молотить кофе. Пока закипала вода, она открыла холодильник, вытащила пакет апельсинового сока и лед. Удовольствие, конечно, дорогое, в который раз отметила Настя, пакета хватает на четыре дня, если пить сок только по утрам, а это две тысячи без малого в месяц. В мае она была в отпуске, никуда не поехала, вместо этого взяла «халтуру» – перевод с французского детективного романа Шарля Эксбрайя, и весь гонорар тут же истратила на такие вот дорогие удовольствия: купила тридцать пакетов сока, несколько банок кофе, три блока хороших сигарет. А еще Настя купила свой любимый мартина – единственный напиток, от которого она получала наслаждение.

Тело медленно, как бы неохотно, отзывалось на каждый глоток ледяного кисло-сладкого сока. Под горячий кофе дело пошло совсем на лад, а после первой сигареты Настя почувствовала себя совсем хорошо.

Позавтракав, она скинула халат и снова подошла к зеркалу. Отечность спала, на себя уже можно смотреть без отвращения. Настя критически разглядывала свое отражение. Что ж делать, не дал бог красоты. И ведь нет в ней откровенно уродливого. Черты лица правильные, фигура ладная, пропорциональная, с длинными ногами, тонкой талией. Все в отдельности было хорошо, а вот вместе складывалось во что-то неприметное, стандартное, гладкое – глазу не за что зацепиться. Явным дефектом были только светлые брови и белесые ресницы, но, даже подкрасив их, Настя казалась серой мышкой. Мужчины на таких не оглядываются.

Натянув джинсы и футболку, сделав легкий макияж, Настя Каменская отправилась на работу.

* * *

Собирался на работу и Виктор Алексеевич Гордеев, начальник отдела МУРа, – невысокий, круглоголовый, почти совсем лысый, с солидным брюшком, имевший среди подчиненных прозвище Колобок.

Виктор Алексеевич был ярким олицетворением, можно сказать, живым воплощением истины об обманчивости внешности. Из пятидесяти трех прожитых лет тридцать два года он служил в милиции, и из этих тридцати двух лет двадцать шесть работал в уголовном розыске. За двадцать шесть лет он понял, как нужно раскрывать преступления, поэтому, когда он возглавил отдел в МУРе, работа под его руководством пошла куда успешнее, чем до него. Мягкий, неизменно доброжелательный, Гордеев был фантастически злопамятен и недоверчив. А кроме того, он никогда и ничего не боялся, потому что был весьма удачно женат.

История женитьбы Колобка являла собой подтверждение старой истины, гласящей, что брак по расчету может быть счастливым, если расчет сделан правильно. Дело в том, что Колобком Гордеев не стал. Он им родился. И вплоть до окончания средней школы был неизменным предметом насмешек и издевательств со стороны одноклассников. Закомплексованный, злой на весь мир, толстый, но, несмотря на это, ловкий и сильный, Витюша Гордеев после службы в армии пошел работать в милицию только потому, что это было в те времена престижно и почетно и могло хоть как-то компенсировать чувство собственной ущербности.

Работая в милиции и став студентом вечернего отделения юрфака, Витя избавился от насмешек, но продолжал страдать. Ему, низкорослому и толстому, до обмирания сердца нравились высокие худощавые brunetki. Особенно долго мучился он от безответной любви к сокурснице Люсе Хижняк, в которой всего было много: роста, каблуков, худобы, изящества и шарма. Все это сооружение имело в высоту сто восемьдесят три сантиметра и казалось Гордееву недостижимым идеалом.

Прострадав курса примерно до четвертого, Витюша пришел к неутешительному выводу, что любовь и брак имеют между собой мало общего, а поэтому жену надо выбирать не из тех, в кого влюбляешься, а из тех, с кем можно ужиться. На одной из студенческих вечеринок он и познакомился с Наденькой Воронцовой, не уступавшей ему ни по весу, ни по степени закомплексованности. У Наденьки с детства был нарушен обмен веществ, и в двадцать лет она была тучной и неуклюжей. Разница состояла лишь в том, что если осознание своей неполноценности у Гордеева сопровождалось злобой, то Наденька компенсировала свой дефект тем, что была душой компании. Она училась в педагогическом институте, обожала детишек, мечтала стать учителем младших классов и страшно боялась, что ученики будут над ней смеяться.

Ухаживание было развернуто стремительно и по всему фронту, и уже через два месяца Витя Гордеев обзавелся женой, с которой можно ужиться, а также тещей-инженером и тестем-врачом, а дальше намеченная схема дала сбой.

Одним прекрасным утром, примерно через полгода после свадьбы, Наденька, надевая юбку, обнаружила, что между тем местом, где теоретически предполагалась талия, и поясом юбки свободно проходит ее пухлая ладошка. Наденька, озабоченная в те дни мыслями о возможной беременности, особого значения странностям одежды не придавала. Но через две недели истина все-таки открылась и повергла Гордеева в полное изумление: его жена была беременна и от этого худела. Тесть долго хохотал, но сказал, что это вполне возможно, хотя и случается крайне редко. Видимо, объяснил он, перестройка организма, вызванная беременностью, привела к нормализации обмена веществ.

Родив Гордееву сына и сбросив десяток килограммов, Наденька категорически заявила, что будет рожать до тех пор, пока не приобретет фигуру кинозвезды. Гордеев насмешливо поддакивал, но тем не менее был сильно удивлен, когда и вторая беременность пошла явно

на пользу супруге. Одутловатость лица исчезла, и вдруг оказалось, что у Наденьки прелестный носик и изумительные глаза. Одним словом, Гордеев, который женился на толстушке-дурнушке, имея в виду, что и она сама, и ее родители будут ему за это по гроб жизни благодарны, этот самый Гордеев неожиданно-негаданно оказался мужем чуть ли не красавицы. Но на этом его несчастья не кончились!

Спустя еще некоторое время ничем не примечательный тесть нанес Гордееву сокрушительный удар, придумав новый, невероятно эффективный способ хирургических операций на сердце, после чего резко пошел в гору. Гордеев опомниться не успел, как стал зятем профессора, а вскоре и директора Института кардиологии. Этого самолюбивый Гордеев снести уже не мог. Вступая в брак, он надеялся, что его будут на руках носить за то, что он работает в уголовном розыске. Номер не прошел, и ему пришлось искать путь, чтобы, так сказать, соответствовать. И этот путь Виктор Алексеевич, к тому времени уже майор, нашел в американских книгах по теории и психологии управления.

В конце концов расчет себя оправдал. Наденька превратилась в уважаемую Надежду Андреевну, директора весьма престижного в Москве лица. Тесть, всемирно известный кардиолог, профессор, стал депутатом российского парламента. А Виктор Алексеевич Гордеев, добросовестно пройдя все ступени иерархической лестницы, остановился на должности начальника отдела в МУРе, претворяя в жизнь все интересные находки, которые он откапывал в умных книгах. Он никого не боялся, потому что с ним никто не хотел ссориться. В конце концов, у всех есть дети, которых хорошо бы пристроить в лицей, а сердечно-сосудистыми заболеваниями страдает каждый третий.

...Подавая мужу завтрак, Надежда Андреевна сказала:

– У нас билеты в «Современник» на премьеру. Пойдем или детям отдадим?

– Кто принес? – коротко поинтересовался Гордеев.

– Гражевич. Он там в главной роли.

– Опять Гражевич, – недовольно заворчал Виктор Алексеевич. – Если я не ошибаюсь, это уже в четвертый раз. У него сын двоечник, что ли?

– Да нет, – пожал плечами жена, – мальчик учится нормально. Почему непременно двоечник?

– Потому что ради двоечника есть смысл ублажать директора. А если парень хорошо учится, то чего ж так стараться? – пояснил Гордеев, старательно жуя гренок с сыром.

– Витюнчик, я тебе сто раз говорила, но и в сто первый повторю, – ласково сказала Надежда Алексеевна, обнимая мужа и целуя его в макушку. – Если бы ты на мне не женился, я бы никогда не смогла родить и, следовательно, не похудела бы. Если я сейчас нравлюсь мужчинам, то это заслуга только твоя и ничья больше. Я это помню, ценю и никогда не забуду. Поэтому прекрати, пожалуйста, свои гнусные инсинуации на тему ревности. Между прочим, не исключено, что Гражевич подбивает клинья не ко мне, а к тебе. Мальчик-то большой уже.

– Понял, – кивнул Гордеев, допивая чай. – Сегодня же наведу справки. Если у сыночка хоть один привод или даже намек на привод, билеты вернешь с извинениями. Если у мальчика все в порядке, пойдем на премьеру. Договорились?

С этими словами, поцеловав жену, вышел из квартиры и отправился на работу полковник милиции Виктор Алексеевич Гордеев по прозвищу Колобок.

* * *

Понедельник на Петровке, 38 начался с того же, чем окончилась предыдущая пятница: с обсуждения вопроса о том, будут ли с первого июля повышать оклады, как обещали, или опять обманут. Обман заключался в том, что обещанное имело место не в том месяце, с которого оно официально вводилось, а в следующем. То есть если оклад повышался с первого июля,

то в июле все получали прежнюю зарплату, а в августе – новую, повышенную, плюс то, что недоплатили в июле. При стабильных ценах в этом не было бы ничего страшного, но сейчас, когда инфляция растет быстрее, чем успевают разворачиваться банки, недоплата сегодня оборачивается тем, что завтра на эти деньги уже ничего не купишь.

В отделе, которым руководил Гордеев, обсуждение было в самом разгаре, когда по коридору, заглядывая во все двери, промчался Юра Коротков.

– Народ, к Колобку!

Оперативное совещание Виктор Алексеевич начал, как обычно, длинным приветствием, сказал, что рад видеть всех в добром здравии, отметил цветущий вид вернувшегося из отпуска Коли Селуянова. Гордеев не был велеречив, просто он понимал, что еще минуту назад люди, только что пришедшие на работу после выходных, о чем-то говорили, обменивались новостями, обсуждали какие-то, вполне вероятно не совсем рабочие, проблемы. Надо дать им возможность расслабиться, а потом сосредоточиться.

– Начнем со старых «хвостов», – объявил Гордеев. – Убийство Плешкова, генерального директора фирмы «Парнас». Слушаю, Коротков.

С этими словами Колобок снял очки и сунул дужку в рот. Это означало высшую степень внимания и сосредоточенности.

– Проверка версий об убийстве Плешкова по мотивам мести, ревности или из корыстных побуждений пока результатов не дала. Никто из лиц, имевших доступ в квартиру Плешкова, мотива для убийства не имеет. Была выдвинута версия о том, что убийство совершено по мотиву, который условно назван «синдром Раскольникова»: убийство с целью убедиться, что субъект на это в принципе способен. При этом преступника и жертву неприязненные отношения могут и не связывать. Исходя из этой версии, составлен ориентировочный психологический портрет преступника. Все лица, имевшие доступ в квартиру, отрабатываются повторно. Намечено двое наиболее вероятных подозреваемых, проводятся провоцирующие мероприятия, которые могут заставить убийцу раскрыться.

– Синдром Раскольникова? – хмыкнул Гордеев. – Любопытно. И когда же вы это придумали?

– В субботу, товарищ полковник, – быстро ответил Юра Коротков, кинув осторожный взгляд в угол, на низко склоненную русую голову.

– Когда ожидаете результатов?

– Надеемся, сегодня-завтра.

– Хорошо, – кивнул Виктор Алексеевич. – А как следователь отнесся к этой версии? Или вы с ним еще не поделились своими познаниями в области русской литературы?

Коротков молчал. Русая голова в углу кабинета опустилась еще ниже.

– Понятно, – попыток полковник. – Значит, так. Со следователем не ссориться. По версии продолжайте работать. Мне кажется, перспектива есть. Мотив практически недоказуем, поэтому действуйте предельно аккуратно, здесь работа должна быть ювелирной. И без спешки. Время пока терпит. Так. Труп манекенщицы из Дома моделей. Слушаю.

Докладывать начал самый молодой оперативник отдела, черноглазый Миша Доценко.

– На одного из фигурантов получены веские улики, доложено следователю. Принято решение пока его не задерживать, он чувствует себя уверенно, судя по всему, никуда бежать не собирается. Но держим под наблюдением, конечно.

– Еще бы ему не чувствовать себя уверенно, – проворчал Гордеев. – Через три дня истекает два месяца, как совершено преступление, а его даже не допрашивали ни разу. Уверены, что не перемудрили?

Фигура в углу кабинета, казалось, стремилась слиться со стеной. Миша удержался от желания посмотреть в угол и мужественно ответил:

– Надеемся.

– Ладно, поглядим, как следователь оценит эти ваши веские улики. Так. Изнасилование Ковалевой Наташи, двенадцати лет. Слушаю.

– Пока ничего, товарищ полковник, – упавшим голосом доложил Игорь Лесников, опытный и, по общему мнению, самый красивый сыщик в отделе Колобка.

– Что значит «пока ничего»? – тихо переспросил Гордеев, кладя очки на стол, что означало закипающую ярость. – «Пока ничего» длится уже три недели, последний раз я это слышал в пятницу утром. Прошло трое суток. Что сделано за это время?

– Виктор Алексеевич, девочка в шоковом состоянии, у нее нервное потрясение. Она не может давать показания. У нас даже самых общих примет нет. Мы отработали все учеты, в том числе и психдиспансеры, всех школьников из ближайших домов. Есть сейчас в наших списках около сорока человек, которые в тот день могли между восемнадцатью и девятнадцатью часами находиться в районе места происшествия. Все они негласно сфотографированы, чтобы при первой же возможности предъявить потерпевшей для опознания. Но Наташа не отвечает на вопросы о происшествии. Или молчит, или бьется в истерику. И врачи не могут сказать ничего определенного.

Гордеев помолчал. Взял ручку и нарисовал на чистом листке квадрат. Потом вписал в него ромб и начал закрашивать уголки. Тягостное молчание длилось минуты три. Внезапно Колобок поднял голову и воззрился на Лесникова.

– Судя по всему, ты еще не все сказал. Говори.

– Была выдвинута версия о том, что это изнасилование несет признаки не только сексуального преступления, но и мести. Трагедия произошла двадцать четвертого мая. Четыре года назад, двадцать четвертого мая 1988 года, Тушинским райнарсудом был осужден некто Шумилин Сергей Викторович. Он обвинялся в том, что, управляя автомашиной в состоянии опьянения, создал аварийную ситуацию, в результате которой два человека получили тяжкие увечья. Отец потерпевшей, Ковалев Виталий Евгеньевич, был на этом процессе народным заседателем.

– Понятно, – кивнул Гордеев, снова засовывая дужку очков в рот. – За чем дело стало?

– Видите ли, товарищ полковник, Ковалев – лицо, приближенное к вице-премьеру, а Шумилин – племянник Виноградова, президента Фонда поддержки предпринимательства. Сталкивать их...

Игорь запнулся. Гордеев снова помолчал, погрыз дужку.

– Отрабатывать Шумилина начали? – Теперь уже Виктор Алексеевич бросил взгляд в угол.

– Нет пока.

– Начинайте. Только тихо-тихо. Чтобы без малейшего шороха. Версию проверяйте в полном объеме, я имею в виду второго заседателя и судью. Если это действительно Шумилин, он и их не обойдет вниманием. О каждом шаге докладывать мне. Буду вас подстраховывать. Если что не так, головы снесу всем. С этим пока все. Садись, Игорь. Доценко, расскажи нам о Филатовой. Не все знают, труп обнаружен в ночь с пятницы на субботу.

– Тринадцатого июня в три часа ноль пять минут в дежурную часть ГУВД поступило сообщение об обнаружении трупа Филатовой Ирины Сергеевны, 1956 года рождения, майора милиции, ведущего научного сотрудника НИИ МВД России. Труп обнаружен по месту жительства Филатовой человеком, подвозившим ее на машине из аэропорта. Филатова лежала на кухне возле включенной электроплиты, в которой обнаружены явные признаки неисправности. Однако наружным осмотром входные отверстия, которые должны быть при поражении электротоком, не обнаружены. Это дало основание заподозрить инсценировку несчастного случая – смерти от электротравмы. Подозреваемый задержан в порядке статьи сто двадцать второй.

И вот здесь Колобок сделал то, чего никто не ожидал. Он не задал ни одного вопроса, не дал указания. Он просто закрыл совещание.

– Понятно. Спасибо. Все свободны, кроме Каменской. Анастасия, выходи из угла.

С этими словами Виктор Алексеевич встал из-за массивного начальственного стола и стал разгуливать по кабинету. Он не мог долго находиться в неподвижности. Настя вышла из угла, в котором молча просидела все совещание, пересела в кресло у окна.

– Синдром Раскольникова – твоя работа? – Колобок на мгновение прервал ходьбу, исподлобья взглянув на Каменскую.

– Моя, – тихо подтвердила Настя. – Вы недовольны?

– А Шумилин – тоже твоя работа? – начальник проигнорировал ее вопрос, хотя прекрасно знал, как важно Насте услышать от него хоть слово одобрения.

– Тоже моя, – голос Каменской дрогнул.

– А фигуранта по делу манекенщицы почему выдерживают в собственном соку? Ты посоветовала?

– Виктор Алексеевич, я полагала, что...

– Знаю, – оборвал ее Гордеев. – Ты мне говорила. У меня пока нет склероза.

Насте казалось, что еще немного – и она расплатится. Наверное, начальник ею недоволен, она не оправдывает его надежд. Каждое оперативное совещание было для Насти Каменской пыткой, мукой мученической, она чувствовала себя на пороховой бочке, которая может взорваться при малейшей ошибке с ее стороны, и тогда все будут смеяться над ней и показывать пальцем: «Смотрите-ка, Каменская, голубая кровь, в засадах не сидит, в задержаниях не участвует, в преступные группировки не внедряется. Посиживает себе в теплом кабинетике, кофе попивает и строит из себя гениального Ниро Вульфа!» Настя знала, что так не только думают, но и, к сожалению, говорят за ее спиной многие. С другой стороны, она работала у Гордеева шестой год, за это время у нее было много по-настоящему удачных находок и остроумных решений, которыми она могла бы гордиться. Были, конечно же, и ошибки, но мир при этом не переворачивался и пороховая бочка не взрывалась.

Внешне Настина работа и вправду выглядела как кабинетное безделье. Гордеев забрал ее на Петровку из районного управления после того, как Настя, два дня просидев над статистикой преступности по городу, вдруг заявила, что на севере Москвы завелся гомосексуалист, имеющий бесконтрольный доступ к наркотическим препаратам. Вывод этот она обосновала тем, что в той части Москвы кражи, совершаемые девочками-подростками, начали расти быстрее, чем кражи, виновниками которых были мальчики, из чего и было сделано заключение о том, что есть нечто весьма привлекательное для малолеток, но плата за это «нечто» разная для мальчиков и для девочек. Развивая эту мысль дальше, Настя, как ей казалось, чисто интуитивно вычислила корень зла. Смеху тогда было много, над Настей подшучивали, историю превратили в анекдот, и анекдот этот дошел аж до Петровки, 38. Не смеялся над анекдотом только Колобок. Спустя некоторое время он зашел в отдел по борьбе с наркотиками, а оттуда прямоком направился к кадровикам. Придуманный Настей человек, как выяснилось, в самом деле существовал.

Гордеев взял Настю к себе с одной-единственной целью: он хотел иметь в отделе собственного аналитика. Каменская и в самом деле многого не умела, она никогда не занималась спортом, не бегала, не стреляла, не владела самбо. Зато она умела думать и анализировать. И глупец тот, кто полагает, что уж это-то умеют все, уж здесь никакого мастерства не нужно. Вот выбить девяносто восемь из ста – это да! Гордеев, человек неглупый и, главное, никого не боявшийся, взял Настю на должность старшего инспектора. И ни разу не пожалел. Настя работала по всем преступлениям, которыми занимались сыщики в отделе Гордеева. Выдвигала версии и придумывала способы их проверки, разбиралась в горах информации и думала, думала, думала. У нее была феноменальная память, а также способность мгновенно извлекать из нее нужные сведения.

Сыщики гордеевского отдела признали Настю далеко не сразу. Особенно раздражало их то, что Гордеев настоял на выделении ей отдельного кабинета, чего на Петровке сроду не слу-

чалось. Поначалу они даже сделали из Насти что-то вроде «барышни на телефоне», раз уж она все равно целый день сидит в кабинете. Признание приходило медленно и трудно. Зато теперь те, кто непосредственно работал с ней, готовы были пылинки с нее сдувать. И все-таки Настя Каменская пребывала в состоянии хронической тревоги, постоянно опасаясь, что в ней разочаруются.

Вот и сейчас, сидя в низком кресле перед нависающим над ней начальником, она готовилась услышать что-нибудь нелицеприятное. Но ошиблась.

– Мне не нравится, как работают по делу Филатовой, – вдруг сказал Гордеев. Ходьба по кабинету всегда сопровождала процесс раздумий и принятия решения. Виктор Алексеевич остановился и сел рядом с Настей. Это означало, что решение принято. – С самого начала сделано много ошибок, – продолжил он, – многие из них исправить невозможно. Рассказываю суть. Филатова прилетела из командировки в ночь с двенадцатого на тринадцатое. Тот подозреваемый, которого задержали, показал, что подвез ее из Внукова – ему было по пути. Филатова оставила ему паспорт и поднялась в квартиру за деньгами. Через пятнадцать-двадцать минут ему надоело ждать, он посмотрел в паспорте номер квартиры и пошел за Филатовой. Дверь квартиры не заперта, замок поднят «на собачку». Филатова лежит на кухне возле плиты без признаков жизни. Водитель пытается сделать искусственное дыхание, после чего вызывает «Скорую» и звонит в милицию. Дальше начинается безобразие. На место выехали дежурные оперативники Голованов и Бажов. Ты их знаешь. И знаешь, что у них мерзкий характер, особенно у Бажова. Водитель, к несчастью, оказался бывшим милиционером, сейчас работает в какой-то коммерческой фирме. Ну и зарабатывает соответственно. Для Бажова и Голованова это – как красная тряпка для быка. Они вцепились в него мертвой хваткой, не поверили ни одному слову и задержали на семьдесят два часа. Хуже всего другое. Водитель обратил их внимание на две вещи. Первое: пока он ждал Филатову в машине, из дома вышел мужчина. Второе: на плите, на одной из конфорок, стоял теплый чайник. Если водитель говорит правду, то Филатову кто-то ждал в квартире. Наши герои озверели окончательно от того, что подозреваемый сует нос в осмотр места происшествия, и начали на него орать. В протоколе осмотра этот теплый чайник, конечно, не отражен. Вообще ненависть к бывшему коллеге, который теперь зарабатывает больше, чем они, их совершенно ослепила. Осмотр места происшествия проведен некачественно. Они прицепились к тому, что на теле нет меток от электротока, несмотря на то что судмедэксперт им несколько раз повторил, что так бывает.

– Они эксперту не поверили? – удивилась Настя.

– А что им эксперт, когда подозреваемый – вот он, прямо перед ними стоит.

– А мужчина, который выходил из дома?

– И этого не сделали. Если водитель не врет и мужчина действительно выходил, то он или шел из квартиры Филатовой, или из другой квартиры, но в интересующее нас время. В три часа ночи стоит такая тишина, что муха пролетит – слышно. Этот мужчина, если он существует и если он не убийца, может быть ценным свидетелем. Да куда там! – Гордеев раздраженно пнул ногой стул. – Короче, Анастасия, я хочу, чтобы ты подумала об этом. Завтра утром истекнут семьдесят два часа, и водителя выпустят. Я уверен, что против него ничего не найдут. Сведения, которые успели собрать за субботу и воскресенье, возьми у Миши Доценко. И пусть он поговорит с задержанным так, как ты считаешь нужным.

– Может, я сама с ним поговорю, Виктор Алексеевич? – робко предложила Настя. – Это проще, чем Мишу инструктировать. Очень уж он горячий.

– Мишу учить надо, а не делать за него его работу, – отрезал Гордеев. – А тебе я запрещаю разговаривать с задержанным. Ты у меня не для этого работаешь.

Полковник, наверное, не смог бы с уверенностью ответить на вопрос, почему он так бережет Настю Каменскую, почему так прячет ее от всех. Но где-то в глубине сознания, почти на

уровне инстинкта, жило убеждение, что Настя – его козырная карта. Поглядев на расстроенное лицо своей подчиненной, он вдруг широко улыбнулся.

– Иди, деточка, подумай как следует, – ласково сказал Колобок. – Завтра мне расскажешь, до чего додумалась.

* * *

После ухода Каменской Виктор Алексеевич Гордеев снова заметался по кабинету. Ему нужно было решить для себя непростой вопрос: что делать с версией о причастности племянника президента Фонда поддержки предпринимательства к изнасилованию двенадцатилетней Наташи Ковалевой. Сама по себе версия казалась ему перспективной, но он очень не хотел втягивать своих ребят в политические дразги. После недолгих раздумий Гордеев решил принять удар на себя. Подсел к телефону, набрал номер. Он звонил своему давнему другу Жене Самохину из пресс-центра МВД.

– Витя! – обрадовался Самохин. – Пропавшая душа! С работы звонишь?

– С работы, – подтвердил Гордеев.

– Значит, по делу, – сделал вывод Самохин. – Говори сразу, что надо, я через пять минут убегаю.

– Женя, мне нужна информация на Ковалева Виталия Евгеньевича из аппарата вице-премьера Аверина и на Виноградова из ФФП.

– А виллу в Каннах и лимузин? Не надо?

– Женечка, ну пожалуйста. Мне много не надо. Я только хочу знать, знакомы ли они, и если знакомы, то в каких отношениях, а если не знакомы, то в каких сферах их интересы могут пересечься. Вот и все. А, Женя?

– Что, и чернухи никакой не надо? – недоверчиво переспросил Самохин.

– Не надо. Меня интересует только их связь. Сделаешь?

– Сделаю, – вздохнул Самохин. – Вечером позвоню тебе домой.

Но Гордеев не был бы Гордеевым, если бы ограничился только этим. Недаром о его недоверчивости ходили легенды. И дело было не в том, что он не верил людям. Он никогда не забывал, что правда и истина – далеко не одно и то же.

* * *

Выйдя из кабинета начальника, Настя Каменская отправилась в дежурную часть просматривать сводки и рабочую книгу дежурного по городу. Никто не мог бы точно сказать, что она ищет в этом ворохе сведений, может быть, этого не знала и сама Настя. Но тем не менее каждый день она открывала толстый журнал, что-то выписывала на листок бумаги, делала одной ей понятные заметки.

Вернувшись к себе, она сунула кипятильник в высокую керамическую кружку с водой и набрала номер внутреннего телефона.

– Мишенька, вы не хотите выпить со мной кофе?

– С удовольствием, Анастасия Павловна. Бегу.

Через минуту к Насте зашел Миша Доценко, неся с собой чашку и коробку с сахаром.

– Что вы, Миша, – укоризненно покачала головой Настя. – Я же вас пригласила. Разве гости приходят со своими продуктами?

– Знаете, – смутился Миша, – времена сейчас трудные. Приходится следить за собой, чтобы не превратиться в нахлебника.

Настя разлила кофе, подвинула Мише чашку и пакетик с печеньем.

– Мишенька, расскажите мне, пожалуйста, о деле Филатовой. На совещании это прозвучало как-то... Ну, скомканно, что ли. Я, признаться, мало что поняла.

Доценко напряженно молчал, не отводя глаз от дымящейся чашки. Насте хотелось было повторить вопрос, как вдруг ее осенило. Ну конечно! Как же она сразу не сообразила! Миша Доценко, хотя и работал в их отделе недавно, заслужил прочную репутацию мастера устной речи. Он прекрасно умел вести беседу, мог заговорить любого, четко формулировал мысли, излагал их ясно и последовательно. Сообщение в его устах просто не могло выглядеть скомканно. Если только... Если только он сам этого не захотел. Судя по всему, это было требование Гордеева. Он не хотел, чтобы его сотрудники, услышав все детали происшествия в квартире Филатовой, «понесли» по коридорам Петровки нелестную оценку Голованова и Бажова. Поэтому он и Настю оставил после совещания, а не дал ей задание при всех. Ох, хитер Колобок! Припрятал камень за пазухой. Никто не знает, что у него появился большой зуб на борцов с высокими доходами. Пусть никто не догадывается, но уж Колобок им этого не забудет. Придет время, и он этот камень достанет. Надо отдать справедливость Колобку: он никогда не нападает первым. Но для защиты своих ребят держит про запас мощный арсенал таких вот «камней» и «зубов».

– Мишенька, – засмеялась Настя, – Виктор Алексеевич рассказал мне и про чайник, и про мужчину, который вышел из подъезда. Он поручил мне взять у вас всю информацию, которой вы располагаете. А вам велел поговорить с задержанным. Так что перестаньте темнить. Расскажите-ка мне, что собой представляет эта Филатова.

Миша сбегал к себе, принес блокнот и начал рассказывать Насте все, что успел узнать с тех пор, как его подключили к делу.

Филатова Ирина Сергеевна, тридцати шести лет, образование высшее юридическое, кандидат наук, работала в Институте МВД со дня окончания университета, то есть полных тринадцать лет. Живет вдвоем с отцом, Сергеем Степановичем Филатовым, в малогабаритной двухкомнатной квартире. Мать умерла. Была замужем, но недолго, с 1984 года в разводе, детей нет. Соседи ничего конкретного рассказать не могут: шумных компаний не было, подозрительных визитеров тоже. Отец с четвертого июня находился в санатории в Крыму, в субботу прилетел. Он назвал двух близких друзей Филатовой и по меньшей мере четверых мужчин, которые в разное время были с ней близки. Побеседовать с ними пока не удалось – никого из них в выходные дни дома не застали. По утверждению отца Филатовой, из дома ничего не пропало, все деньги и ценности на месте. Кстати, Сергей Степанович был сильно удивлен тем, что электроплита оказалась в неисправности. На момент его отъезда в санаторий все было в порядке, он, как инженер, может судить об этом достаточно уверенно. Ключи от квартиры были только у него и у дочери. О том, что Ирина давала кому-нибудь ключи, ему неизвестно, но в их семье это было в принципе не принято.

– Хорошо, – сказала Настя. – Теперь задержанный водитель. Что о нем известно?

– Во всяком случае, то, что он говорил, пока ничем не опровергнуто. Он действительно провожал человека на самолет, вылетающий из Внукова в два сорок пять тринадцатого июня. Билет был приобретен за неделю, шестого июня. Филатова улетела в командировку в Краснодар, должна была прилететь двенадцатого около девятнадцати часов, но из-за дождя Москва не принимала, самолет сел во Внукове только в час сорок ночи. Так что встреча Захарова с Филатовой в аэропорту никак не могла быть запланированной.

– Как вы сказали? – встрепелась Настя. – Захаров?

– Захаров Дмитрий Владимирович, сотрудник частного охранного агентства, до 1990 года работал в тридцать пятом отделении милиции.

– Захаров... – Настя вздохнула. – Тот самый Захаров. Жаль.

– Вы его знаете? – удивился Доценко.

– Правильнее сказать, я была с ним знакома. Я не очень хорошо знала его. Но помню, что парень он отчаянный, рискованный, с авантюрной жилкой. И всегда хотел иметь много денег. Он вполне мог вляпаться в какую-нибудь некрасивую историю, но не из подлости душевной, а исключительно из азарта и любви к приключениям.

– Надо же, как мир тесен, – покачал головой Миша, подходя к окну.

– Да что вы, Мишенька, разве надо этому удивляться? – махнула рукой Настя. – Любой человек, проработавший в уголовном розыске больше пяти лет, так или иначе сталкивается практически со всеми розыскниками и следователями города Москвы. Нас ведь очень мало на самом-то деле. Еще год-другой, и вы сами в этом убедитесь. Узкий, так сказать, круг. Ладно, вернемся к Захарову. Он, конечно, отрицает, что был знаком с Филатовой раньше?

– Конечно, но будем проверять, опрашивая ее друзей и сослуживцев.

– Когда же это вы успеете? Завтра утром Захарова надо освобождать.

– К двум часам еду в институт, договорился с начальником Филатовой.

– Тогда беседу с Захаровым придется перенести на вечер. Вы спрашивали его, о чем он говорил с Филатовой во время поездки?

– Нет. Я с ним вообще не разговаривал. Мне дали протокол допроса, составленный при задержании, и велели проверить его показания. Что я и выполнил.

– Ясно. – Настя достала чистую бумагу. – Я вам напишу, какие вопросы следует непременно выяснить в институте и что надо спросить у Захарова. Если позволите совет, то поспрашивайте в институте беседовать только с женщинами. Мужчин пусть опрашивает... Кто еще работает по этому делу?

– Коротков и Ларцев.

– Значит, Коротков. Он у нас достаточно невзрачный, чтобы не будить в мужчинах инстинкт соперничества. И еще, Мишенька. Возьмите диктофон. Мне нужны дословные показания, а не ваши впечатления. Ладно?

– Хорошо, Анастасия Павловна.

– Не обиделись? – улыбнулась Настя. – Не обижайтесь, Миша. Память и внимание очень избирательны. Я доверяю вашей добросовестности, но избирательность в нас уже заложена, и приказать ей выключиться мы не можем. И я могу что-то упустить. Поэтому нужен магнитофон. Последний вопрос. Результаты вскрытия есть?

– Обещали к обеду. Но протокол сразу заберет следователь. Ему очень хочется, чтобы это был несчастный случай.

– Понятное дело, – кивнула Настя. – Кто проводил вскрытие?

– Айрумян.

– Ладно, я ему позвоню. Ну, Мишенька, вперед. Держите мои шпаргалки. Встречаемся с вами в восемь утра. Я хочу все узнать до того, как отпустят Захарова. Да, чуть не забыла. Кто из криминалистов выезжал на квартиру Филатовой?

– Олег Зубов.

– Фотографии, наверное, уже у следователя? Придется пасть Зубову в ножки, чтобы еще отпечатал.

– Я уже упал. – С этими словами Миша достал из папки фотографии, сделанные на месте происшествия. – Держите.

– Мишенька, я вас обожаю. – Настя послала ему воздушный поцелуй. – Бегите. Жду вас завтра в восемь.

Доценко ушел, а Настя принялась разглядывать фотографии, сделанные в квартире Филатовой. Вот сама погибшая. Интересное лицо, отметила Настя, черты не очень правильные, но выразительные. Наверное, пользовалась успехом у мужчин. Кухня маленькая, примерно пять квадратных метров, тесная. Вот прихожая. Возле входной двери тумба с телефоном. Ясно видны кроссовки с длинными развязанными шнурками, аккуратно стоящие под вешалкой.

Что-то не вяжется, подумала Каменская. Она должна была быстро найти деньги и отнести их водителю, а вместо этого старательно расшнуровала кроссовки, поставила их на место и пошла в кухню включать плиту. Если бы она не оставила Захарову паспорт, можно было бы подумать, что она не собиралась отдавать эти деньги. Чего ее понесло на кухню? Может быть, она там деньги держала? Настя сделала пометку на листе бумаги с крупной надписью наверху «Зубов». Другой вариант – деньги были в комнате, на улице ливень, кроссовки мокрые, сняла их, чтобы не испачкать ковер. На листке «Зубов» появилась вторая пометка. Панорамная фотография большой комнаты. Идеальный порядок. Видно, что в ней давно не было людей. Кресла стоят строго симметрично по обе стороны журнального столика. Узловые фотографии – книжные полки, стенка. Любительская фотография Ирины, очень удачная. Фото женщины лет сорока с небольшим, вероятно, ее матери. В одной из застекленных секций стенки, где хранится посуда, набор стеклянных фигурок: тигр, змея, петух, собака, кошка – всего двенадцать. Больше никаких безделушек в комнате нет, только вещи и книги. Маленькая комната. Определенно, в ней жила Ирина. Диван, письменный стол с пишущей машинкой, кресло, торшер. Больше ничего – комната слишком мала.

Не отводя взгляда от разложенных на столе фотографий, Настя потянулась за сигаретой. Внезапно рука ее повисла в воздухе, она почувствовала холодок где-то в области желудка. Это означало, что что-то не так. Собрала фотографии и стала перебирать их. Внутри опять кольнуло.

Настя Каменская знала твердо: то, что она ощутила, глядя на снимки, было сигналом о поступлении какой-то важной информации, нарушающей схему. Она отложила одну фотографию на листок с заголовком «Айрумьян». Пока все. Теперь можно звонить.

Олег Зубов был, как всегда, хмур и ворчлив. Кроме того, Гордеев, судя по всему, и ему наказал язык не распускать, так что Насте стоило больших трудов его разговорить.

– Пойми, Настасья, наши сыщики и следователь дули в разные дудки. Следователь старенький, больной, ему скоро на пенсию, на дворе середина июня, а он еще в отпуске не был. Ему надо это убийство? Он хочет, чтобы это был несчастный случай. И на мужчину с теплым чайником он плевать хотел, если они не подтверждают версию о смерти от электротравмы. Такой вот он человек, ну не хочет он в свои-то годы лишних хлопот. Если ты принесешь ему чемодан доказательств о том, что Филатову убили, тогда он, так уж и быть, будет вести следствие. А не принесешь – он пальцем не пошевелит лишний раз, закроет дело – и конец. Ну а про наших ты и так все знаешь. Они, наоборот, хотят, чтобы это было убийство и чтобы преступником оказался именно этот водитель. Не глянулся он им, видать, – усмехнулся Олег. – И никакое другое убийство их не устроит. И им тоже мужчина с теплым чайником сто лет не нужен. Вот такой расклад.

– Но ты-то сам трогал этот несчастный чайник?

– А как же. И даже прикинул, когда его кипятили. В час тридцать плюс-минус пять минут.

Из разговора с Зубовым Настя выяснила, что ковров в квартире Филатовых нет ни в одной из комнат, а деньги хранились в деревянной шкатулке, которую обнаружили в выдвижном ящике тумбы, стоящей в прихожей.

Гурген Арташесович Айрумьян в отличие от Зубова был добродушен и многословен. Кроме того, он любил Настю Каменскую, которая была совершенно не похожа на двух его внуков, темпераментных, непоседливых и, как он считал, бестолковых и легкомысленных.

– Здравствуй, рыбонька, здравствуй, золотая моя, – гудел он в трубку, – вспомнила дедушку Гургена. Небось насчет Филатовой? Я акт экспертизы следователю отправил.

– Гурген Арташесович, ну в двух словах, а? Вы же знаете, меня начальник до следователя не допускает, – попросила Настя.

– Ну, если в двух словах, то я не знаю, от чего умерла Филатова.

– То есть как? – опешила Настя.

– А так. Смерть наступила в результате остановки сердечной деятельности. Ни хронических, ни острых заболеваний, которые могли бы привести к остановке сердца, вскрытием не обнаружено. Меток электротока тоже нет, но я вполне допускаю, что она могла умереть от электротравмы. Видишь ли, солнышко мое, в десяти-пятнадцати процентах случаев метки не выявляются. Об этом во всех учебниках написано. Но если ты хочешь от меня не два слова, а три, то я отвечу тебе на один вопрос, который следователь забыл мне задать. Наверное, торопился сильно, а может, не захотел. Хочешь?

– Конечно, хочу.

– Так вот, ненаглядная моя. Если ты возьмешь книжку «Осмотр трупа на месте обнаружения» издания тысяча девятьсот восемьдесят девятого года, то на странице сто пятьдесят седьмой ты прочитаешь, что следователь должен был меня спросить: имеются ли на теле Филатовой повреждения, не связанные с действием электротока? Если да, то каков их характер и механизм образования? А я бы тогда ему ответил, что у Филатовой имеется ушиб головы, который я не могу объяснить, и нет того ушиба, который я предполагал обнаружить. Это мое третье слово. Четвертое хочешь или уже сама догадалась?

– Догадалась, – ответила Настя. – У меня фотографии есть, я сразу обратила внимание, что кухня крошечная. Если бы Филатова падала, она наверняка ударилась бы о край стола и задела бы табуретку. Вы именно этих ушибов не обнаружили?

– Люблю я тебя, попугайчик мой, приятно с тобой разговаривать. А ушиб, который я обнаружил, – так, ни два ни полтора. С одной стороны, как будто об пол ударилась. Но, с другой стороны, при падении с высоты собственного роста, если забыть про стол и табуретки, ушиб был бы гораздо сильнее. По времени образования он совпадает со временем наступления смерти, так что удариться головой раньше она вряд ли могла. Одно могу сказать точно: ушиб образован от соприкосновения с плоской поверхностью, а не с тупым твердым предметом. Ну как, звездочка моя, хорошие слова я тебе сказал?

– Замечательные, – от всей души признала Настя. – Что бы я без вас делала? Меня бы давно уже с работы выгнали.

В этом Настя, пожалуй, не преувеличивала. Каждый месяц к двадцатому числу она представляла Гордееву анализ всех раскрытых и нераскрытых убийств, тяжких телесных повреждений и изнасилований. С помощью такого анализа выявлялись новые тенденции в совершении этих преступлений, а также типичные ошибки, допущенные при раскрытии. И каждый месяц, проводя этот анализ, Настя приходила к Айрумяну и с благодарностью выслушивала его пространственные консультации, обильно пересыпанные «рыбками», «птичками» и «звездочками».

Что ж, решила Настя, исходной информации пока достаточно, чтобы продумать обстоятельства смерти Филатовой. О мотивах и личности убийцы речь пока не идет. Сейчас важно понять, действительно ли имела место инсценировка или это все-таки несчастный случай. И вообще, как все это происходило и может ли быть замешан в этом Дима Захаров. Хорошо бы, конечно, поговорить с инженером-электротехником, которого вызывали в квартиру Филатовых, но, в конце концов, характер неисправности для ее рассуждений пока не особенно важен. Совершенно очевидно, что плита не могла вдруг испортиться за тот час, который прошел с половины второго, когда, по утверждению Зубова, кипятили чайник, до половины третьего ночи, когда током ударило Ирину. Это означает, что либо плиту умышленно испортили в течение этого часа, либо теплый чайник – плод фантазии, одновременно посетившей и Захарова, и криминалиста Зубова, либо, наконец, что тот, кто кипятил воду, знал о неисправности и принимал меры предосторожности, например, надевал плотные резиновые перчатки. Других вариантов быть не может.

Найдя отправную точку для размышлений, Настя Каменская начала готовиться к работе. Это был целый ритуал, истинный смысл которого состоял единственно в том, чтобы оттянуть момент «погружения». Настя не торопясь сварила кофе, запив им принесенный из дома бутер-

брод, выкурила сигарету, приготовила три новых листка, сделала на них аккуратные надписи: «Фантазия», «Повреждение с 1.30 до 2.30» и «Повреждение заранее». Заперла изнутри дверь кабинета. Все. Начали.

В первую очередь был отработан вариант «Фантазия» как наиболее простой. Никакого теплого чайника не было и в помине, а Захаров и Зубов дружно лгут, потому что Захаров – убийца, а Зубов знает об этом и по каким-то причинам его покрывает. Это казалось полным бредом, но таково уж было Настино правило: рассматривать все возможные варианты, какими бы чудовищно нелепыми они ни выглядели. Итак, Захаров – убийца, Зубов – сообщник. Захаров поднимается в квартиру Филатовой и убивает ее. Как? Начинает у нее на глазах ковыряться в плите? А если он убивает ее другим способом, то каким? Чем еще он может вызвать остановку сердца? Каким-нибудь нервно-паралитическим газом. Айрумян ничего в легких не обнаружил. Да и не это главное. Главное в том, что, кроме них, в квартире находились следователь, два оперативника с Петровки, один – из местного отделения милиции, инженер-электротехник и понятые. И любой из них, а то и все вместе могут заявить, что разговоры о теплом чайнике – чистая липа.

Настя с облегчением разорвала листок с надписью «Фантазия» и принялась за следующий вариант.

Она еще раз прокрутила в уме свои доводы против того, что плита испортилась без постороннего вмешательства. Если Филатова в момент гибели была в квартире одна, то, кроме травм, не обнаруженных судебным медиком, был бы шум, от которого наверняка проснулись бы соседи. Если в квартире был человек, ожидающий ее и не желающий ее смерти, то он либо знал о поломке и должен был ее предупредить, либо не знал, и тогда картина была бы точно такая же: падение, ушибы, грохот. Миша Доценко соседей опрашивал, и никто ничего не слышал. Только двое стариков из соседней квартиры проснулись, когда Ирина в половине третьего ночи отпирала замок и захлопывала дверь. Старые люди спят чутко и засыпают плохо. Шум в квартире Филатовой, раздавшийся в течение ближайших десяти минут, они бы тоже слышали.

Кажется, ничего не упущено. Перейдем к умышленной поломке в течение часа от 1.30 до 2.30...

Настя чертила на листках квадратики и стрелки, вписывала отдельные слова и целые фразы, набрасывала вопросы, которые надо будет задать криминалисту, соседям, отцу Филатовой. Количество окурков в пепельнице увеличивалось, количество кофе в пачке уменьшалось. На столе появились новые листки с надписями: «Запланированное», «Случайное», «Кроссовки», «Замок». Наконец перед ее глазами встала картина преступления, в которую укладывалось все, что к настоящему моменту она знала. В этой картине был и утопленный ригель замка входной двери, и аккуратно расшнурованные кроссовки, и неисправная плита, и теплый чайник, и вышедший из подъезда мужчина, и странная тишина, и «неправильность» ушиба.

«Да, Ирина Сергеевна, – мысленно сказала Настя Каменская, глядя на любительскую фотографию Филатовой, – вы не погибли от несчастного случая. Вы были убиты. Преднамеренно и хладнокровно. Вы убиты человеком опытным и предусмотрительным. Он не мог знать, что внизу в машине вас ждет Захаров. Если бы не это, ваш труп обнаружили бы только сегодня, и чайник бы уже давно остыл. И он не мог предполагать, что вы окажетесь в числе тех десяти-пятнадцати процентов, о которых пишет учебник, что на вашем теле не останется меток от электрического тока и поэтому найдутся люди, которые не поверят в случайную смерть. Расчет у вашего убийцы был правильный. Просто обстоятельства сложились не в его пользу. Что же с вами произошло, Ирина Сергеевна? Кому вы досадили или помешали? Кого обидели?»

* * *

Измученная духотой, Настя Каменская вышла из автобуса, не доехав до нужной остановки. Еще чуть-чуть, и она упала бы в обморок. Настя, которая могла сутками не есть и не спать, погрузившись в решение интересной аналитической задачи, Настя, за восемь лет ни разу не взявшая больничный и переносившая все болезни «на ногах», та самая Настя имела двух заклятых врагов – толпу и духоту. С ними она бороться не умела. Организм отказывался ей повиноваться, издевательски нашептывая: «Ты моришь меня сухими бутербродами и травишь никотином, ты меня не лечишь и не обихаживаешь, ты на меня плюешь – так вот же тебе, получай! Именно тогда, когда ты смертельно устала или опаздываешь на нужную встречу, я заставлю тебя идти пешком!» Все эти хитрости капризных сосудов были Насте давно и хорошо известны, и она научилась подстраховываться, таская в сумочке ампулу нашатырного спирта, но главным образом – умело составляя свои маршруты, на которые время отводила с большим запасом. Ни разу в жизни Настя Каменская никуда не опоздала.

Медленно, словно опасаясь сделать лишнее мышечное усилие, она шла по направлению к своему дому, заглядывая по пути в магазины. Большая сумка, висящая через плечо, становилась все тяжелее, ноги, отекавшие от многочасового неподвижного сидения в жарком кабинете, невыносимо болели, соприкасаясь с влажной кожей туфель. У Насти был собственный метод ведения «продуктового» бюджета. Получая зарплату, она раскладывала деньги на «целевые кучки», затем продуктовую сумму делила на число дней в месяце. Получившееся в результате деления частное и было тем лимитом, выходить за который она себе запрещала. Поэтому получалось, что чем дольше не ходишь в магазин, тем больше вкусных (и дорогих) продуктов можно купить. Если ходить в магазин каждый день, то придется сидеть на хлебе, молоке и яичнице с помидорами. А вот если проводить это мероприятие раз в пять дней, а еще лучше – раз в неделю, то можно позволить себе копченую курицу, сыр, буженину и даже арбуз. Помимо возможности устраивать маленькие кулинарные праздники, в таком ведении хозяйства был еще один плюс, самый, пожалуй, главный. Дело в том, что Настя Каменская была необыкновенно, просто фантастически ленива.

На скамейке у подъезда она заметила рыжего лохматого парня, увлеченно уткнувшегося в книгу. Рядом с ним лежали сваленные в кучу полиэтиленовые сумки, из которых торчали зеленые перья лука, длинный золотистый батон, матово и аппетитно просвечивали сквозь прозрачную пленку алые помидоры. Когда Настя поравнялась со скамейкой, парень оторвался от книжки и принялся судорожно собирать пакеты.

– Аська, ну что же ты, в самом деле... Мы же договорились с тобой устроить праздник. Ты сама сказала, чтобы я пришел к шести, а уже почти восемь...

– Чучело, – беззлобно сказала Настя. – Эти шесть часов были в пятницу, а сегодня понедельник. Я в пятницу тебя весь вечер прождала. – Она вошла в подъезд, придержав дверь для нагруженного сумками рыжего.

– Как в пятницу? – растерянно пробормотал парень, пытаясь справиться одновременно с дверью, выпадающей из-под мышки книгой и сползающими с носа очками. – Я был уверен, что пятнадцатого. Пятнадцатое сегодня? Правда? Неужели мы договаривались на пятницу? Опять я все напутал...

Они поднялись на лифте на восьмой этаж, Настя отпирала квартиру, а ее спутник все продолжал сокрушенно сетовать на свою рассеянность.

– Ну хорошо, – устало сказала Настя, бессильно опускаясь в прихожей на стул и вытягивая ноги, – с памятью у тебя плохо. Но с логикой-то должно быть все в порядке. Ты же математик. Кто устраивает праздники по понедельникам? Все, не хочу больше говорить на эту тему.

Если б я знала, что ты явишься с продуктами, я бы не истязала свое нежное тело хождением по магазинам.

Рассеянный и чудаковатый математик Леша был, однако, не настолько не от мира сего, чтобы не заметить перемену в настроении своей подружки. «Истязание нежного тела» – это уже намек на юмор, на улыбку, а значит – его готовы простить.

Леша и Настя были знакомы почти двадцать лет, в физико-математической школе они учились в одном классе. Все эти годы он преданно, как-то очень по-детски любил Настю. Ее бесцветная внешность не имела для него никакого значения, он, казалось, просто не знал, как выглядит его возлюбленная. Периодически Леша вдруг распахивал глаза и замечал вокруг себя красивых, эффектных женщин, неистово влюблялся в них, терял голову от обуревавших его желаний, но все это длилось до тех пор, пока объект его безумной страсти не устаивал рыжего математика десятиминутной беседой. Пылкое чувство тут же умирало, ибо каждый раз выяснялось, что разговаривать и вообще проводить время он может только с Настей. Со всеми остальными женщинами, равно как и с большинством мужчин, ему было скучно. После своих неудачных эскапад он приходил к Насте и со смехом рассказывал, как он в очередной раз разочаровался в красивых женщинах. Настю это не раздражало – ей было с ним удобно.

Все в этот вечер было как обычно. Леша усадил Настю на кухне, поставив ей под ноги таз с холодной водой, и начал проворно готовить ужин, одновременно рассказывая, как он провел те несколько дней, что прошли с их прошлой встречи. Красиво накрыл на стол, налил Насте martini со льдом, себе открыл пиво. Посмотрели по телевизору детектив. Настя слушала своего рыжего гения вполуха, умиротворенно думая, как хорошо, что на свете существуют такие вот Леша, которые ничего от тебя не требуют, в то же время давая тебе возможность не чувствовать себя старой девой.

Леша уснул, утомленный бурным проявлением чувств, а Настя все лежала с открытыми глазами, думая об Ирине Сергеевне Филатовой. Запущенный на полную мощность мозг никак не хотел отключаться. Настя осторожно встала, накинула халат и вышла на кухню. Достала из сумки захваченную с работы фотографию, сделанную в квартире Филатовых, прислонила ее к керамической вазочке на кухонном столе. Что же в этом снимке не так? Что не так? Что?

Глава 3

Из морга на улице Россолимо провожающие в последний путь Ирину Филатову отправились на Пятницкое кладбище у Рижского вокзала, где была похоронена ее мать. Желавших проститься с Ириной оказалось на удивление много. Юра Ковалев шел в толпе, крепко держа под руку Люду Семенову, подругу и сослуживицу покойной. Ему нужен был человек, хорошо знающий окружение погибшей и способный во время скорбной церемонии отвечать на вопросы, а не биться в истерику.

Володя Ларцев, который вместе с Мишей Доценко опрашивал женщин, посоветовал обратиться к Семеновой, а чутью Ларцева Юра Коротков доверял безоговорочно.

– Вы, наверное, считаете меня бесчувственной? – тихо спросила Людмила. – Я в своей жизни столько близких похоронила, что стала относиться к смерти философски. Если бы одни люди умирали, а другие – нет, тогда смерть можно было бы считать трагической несправедливостью. Почему умер этот человек, а не другой, почему одному выпало жить вечно, а другому нет? Но уж коль скоро бессмертия нет, то смерть надо воспринимать как явление нормальное и неизбежное. Я не права?

– Не знаю, – серьезно ответил Коротков. – Я не готов вам ответить. Посмотрите, кто идет рядом с отцом Филатовой? – Он кивком головы указал на крепкого темноволосого мужчину с усами и восточным разрезом глаз.

– Бывший муж, Руслан Баширов. А с ним рядом – его новая жена.

Поймав изумленный взгляд своего спутника, Людмила чуть улыбнулась.

– Вот такая была наша Ирка. Ни с кем никогда не ссорилась. Она всегда говорила, что самое ценное в жизни – это хорошие отношения с людьми. Если мужчина и женщина расстаются, это ведь не означает, что кто-то из них непременно плохой. Просто им перестало быть хорошо вместе. Мало ли по каким причинам. Но если люди не могут жить вместе и спать в одной постели, это не означает, что им заказано общаться и дружить. Новая жена Руслана, кстати, прекрасно относится к Ирине... то есть относилась. Ирка со своими поклонниками даже к ним в гости ходила.

– Действительно, не совсем обычно, – согласился Юра. – Кроме мужа, здесь есть еще... как бы это поделикатнее сказать... мужчины, с которыми Ирина... – Он замялся. Обстановка кладбища не позволяла ему употребить обычное слово «любовник».

– Вы не стесняйтесь, Юра. – Семенова чуть сжала его локоть. – Я ведь сама бывший следователь. Задавайте мне любые вопросы. И можете быть уверены, что я, в свою очередь, не стану задавать вам такие вопросы, на которые вы не можете отвечать.

– Людочка, – искренне произнес Коротков, – вы – чудо. Если бы вы не были замужем, я бы сделал вам предложение.

– Так сделайте, – неожиданно просто ответила Семенова.

– Не шутите так. Мы с вами все-таки на похоронах. – Юра легонько погладил ее пальцы, спокойно лежащие на его предплечье.

– А я не шучу. – В голосе женщины послышалась горечь. – Вы женитесь на мне, а он – на своей мамочке. И мы будем ходить друг к другу в гости.

«Знакомая история, – грустно подумал Коротков. – Обожает властную, нетерпимую мать и всю жизнь сравнивает с ней жену, которая в сравнении неизменно проигрывает. Добрая половина известных мне супружеских пар как раз так и живет».

– Почему Филатова больше не вышла замуж? – вдруг спросил он. – Насколько я понял, недостатка в поклонниках у нее не было.

– Возраст, Юра, увы, возраст. После тридцати женщины вынуждены общаться либо с заплесневелыми холостяками, которые безумно боятся, что их затащат в загс, либо с женатыми

мужчинами. Чтобы выйти замуж за первую категорию, надо быть полной идиоткой, а вторую надо разводить. На это у Ирины никогда не хватало энтузиазма. И потом, жилищная проблема. Привести мужа в крошечную квартирку к немолодому больному отцу – этого она категорически не хотела. А у разведенного откуда площадь? Он ее жене и детям оставил бы.

– Но не все же оставляют квартиру жене. Многие разменивают, – возразил Юра.

– За мужика, который, уходя к любовнице, начинает делиться с женой и детьми, Ирка бы в жизни замуж не вышла, – уверенно ответила Люда. – Она терпеть не могла жлобов и скобарей. Был момент, когда она собиралась вступать в кооператив, но в последний момент все сорвалось.

– Почему?

– У нее не оказалось денег, на которые она рассчитывала. А в долг она не брала никогда. Даже до зарплаты не перехватывала. Она вообще была помешана на том, чтобы никому не быть в тягость и никому не быть обязанной. Просто пунктик какой-то. Всю жизнь все делала сама, ни к кому за помощью не обращалась. И не из гордости, заметьте, не для того, чтобы доказать, что вот, мол, она какая, справляется без посторонней помощи. Вовсе нет. Она другого боялась. Бывает, что обращаешься за помощью, человеку неудобно тебе отказать, хотя ему самому это причиняет определенные неудобства. Он тебе помогает, а сам в душе клянет и тебя с твоими просьбами, и себя за то, что отказывать не умеет. Ирине очень не хотелось попасть в такую ситуацию. Хотя сама она очень отзывчивая, и, между прочим, если кто и не умеет сказать «нет», так это именно она. Абсолютно безотказная. – Людмила все время сбивалась, говоря о подруге в настоящем времени.

– Так что же такое произошло с деньгами на кооператив? – Юра свернул на тему, которая показалась ему любопытной. – Она рассчитывала на наследство?

– Не знаю, – вздохнула Людмила. – Это было до того, как я пришла работать в институт. Она как-то обмолвилась об этом, вот и все. А я не стала допытываться. Если вас интересуют ее мужчины, то вон тот, в серой рубашке, видите, – ее последняя пассия. Работает в Российском бюро Интерпола. Высокий блондин, полный такой, через два человека справа от вас – преподаватель из нашей академии. С ним Ирина рассталась в прошлом году. В смысле – роман у них закончился. А общаться, конечно, продолжают. Продолжали, – поправились опять Семенова. – Корецкого я что-то не вижу, хотя уж он-то должен быть обязательно.

– Почему? – насторожился Юра. – Кто такой Корецкий?

– Женя Корецкий – врач-хирург из нашей ведомственной поликлиники. Это был самый длительный роман у Ирины, дольше даже, чем она замужем пробыла. Женя наблюдает ее отца, Сергея Степановича. Печень. Так что он по-прежнему вхож, так сказать, в дом.

– Послушайте, – взмолился Коротков, – у вашей подруги был хоть один роман вне милицкого круга или она специально себе любовников из МВД выбирает?

– А других-то где взять? – возразила Людмила. – Вся жизнь только дома и на работе. С другими и познакомиться негде. Это в двадцать лет бегают на дискотеки и студенческие вечера. А в нашем возрасте обходятся профессиональным кругом. Ирина однажды привезла роман из отпуска. Долго потом на воду дула, так обожглась. С виду интеллигентный, красивый, неглупый, а оказался дважды судим. Видели бы вы, что с ней было!

– А что было? Переживала сильно? – поинтересовался Юра.

– Да ни одной минуты. Мгновенно порвала с ним. И не за то, что судим, судимости-то были автотранспортные, а за то, что скрывал и замуж звал, собирался развестись. Должен ведь был понимать, что ей, майору милиции, иметь дважды судимого мужа не с руки.

– Как же она узнала о судимостях, если он скрывал?

– Случайно. Это ее взбесило. Ирина терпеть не могла, когда ее принимали за дурочку. Этот Валера был, насколько мне известно, единственным мужчиной, с которым она по-настоящему рассталась. Как отрезала. А все остальные даже и не догадываются, что их роман с Ирой

закончен. Я ведь уже говорила, она ни с кем не обостряла отношений. Вот и создавала у своих «бывших» иллюзию, что все по-прежнему, только обстоятельства не складываются: то работы много, то командировка, то хаты пустой нет. Она к ним ко всем искренне расположена, только спать с ними не хочет. Иначе разве они были бы сейчас здесь, на кладбище?

Панихида подошла к концу. Шестеро плечистых мужчин подняли гроб на плечи, и провожающие двинулись к могиле. Юра поискал глазами ребят из оперативно-технического отдела, которые вели съемку похорон скрытой камерой.

– Посмотрите внимательно, Людочка, – попросил Коротков. – Здесь много людей, которых вы не знаете?

– Почти никого, – быстро ответила она. – В основном все наши, институтские. Вот девочки из информационного центра, у них Ира брала статистику. Те, что рядом с отцом, – родственники. Следом за нашим начальником идет мужчина – его я не знаю. И в самом конце двое с большими гладиолусами – их тоже впервые вижу. Странно все-таки, что нет Корецкого.

Коротков остановился. Он сам не понимал, почему ему так не хочется отпускать от себя Люду Семенову, доверчиво опирающуюся на его руку. Но дальше тянуть уже неприлично.

– Спасибо вам, Люда, – тихо сказал он. – Не буду больше вас терзать. Вы идите, попрощайтесь с Ириной. А мне пора.

Он прошел сквозь медленнодвигающуюся толпу, на секунду замедлив шаг сначала возле невысокого смуглого мужчины в роговых очках, потом приостановился около двоих с огромным букетом гладиолусов, почти полностью закрывавшим их лица. Теперь он был уверен, что видеокамера зафиксирует всех троих крупным планом.

Шагая по Крестовскому мосту и почти задыхаясь от заполнявшего легкие тяжелого зноя, Юра Коротков пытался настроиться на дело Плешкова, которому предстояло посвятить часть дня. Но мысли съезжали куда-то в сторону, упорно выталкивая на поверхность тихий голос: «Я не шучу. Женитесь на мне».

* * *

«...Она тянула на себе весь план отдела. Свои темы закрывала, к чужим подключалась. Пахала как ломовая лошадь. В субботу выходила, в воскресенье, на праздники брала работу домой. Начальник наш на нее буквально молился. А она стеснялась лишний раз с работы отпроситься...»

«Боялись ее очень, особенно если давали ей тексты на рецензирование. Ирина Сергеевна вьедливая была необыкновенно, к каждому слову цеплялась. Когда она мне диссертацию вернула, там все поля были карандашом исписаны, представляете? Все поля на каждой странице. А в конце еще несколько листов вложено с замечаниями. Это не потому, что я такой особенно тупой. Она все диссертации так читала. Зато все знали, что если учесть ее поправки и замечания, то работа пройдет без сучка без задоринки. Ей поэтому многие старались свои диссертации подсунуть, она никому не отказывала, хотя и своей работы у нее всегда было много. Были, конечно, такие умники, которые, забрав у нее диссертацию с замечаниями, всем говорили, что «сама Филатова читала», и не поправили ни одной буквы. У Ирины Сергеевны репутация была, что и говорить. После ее правок работу можно было и не читать, смело рекомендовать в совет, на защиту. Вот они и пользовались. А когда она однажды эту уловку обнаружила – ох что было! Не поленилась, пришла на защиту, выступила неофициальным оппонентом и в буквальном смысле смешила диссертанта с грязью. Все могла простить – лень, глупость, но мошенников терпеть не могла. Ее прямо переворачивало всю...»

«...Враги? У Иры? Да откуда?!»

«...Ирку втихаря многие не любили. Но в основном те, кто ее не понимал. Посудите сами: нестарая, привлекательная, пользуется очень большим вниманием со стороны мужчин – и вся

в работе. Здесь что-то нечисто. С чего это она так надрывается? Перед руководством выслушивается? В тридцать четыре года стала ведущим научным сотрудником, а эту должность по нынешним требованиям должны замещать только доктора наук. За что ей такое продвижение по службе? А кто ее хорошо знал, те понимали, что ей интересно то, что она делает. Она мне много раз говорила, что с детства ее любимый вопрос: почему? Почему происходит так, а не иначе? Почему случается это и случается то? И в криминологии она осталась такой же «почемучкой», все ломала голову, пыталась понять, почему преступность ведет себя именно так, а не иначе...»

«Мы все к ней бегали со своими страданиями. Она слушать умела. И утешать. Поговоришь с ней – и легче становится. Она для нас была вместо психотерапевта. А совет всегда давала один и тот же: поступай, как тебе самой хочется, не насилуй себя, не ломай...»

«...Филатова злая была, прощать не умела. Она не мстила, нет, боже упаси, для этого она была слишком мягкая. Она делала для себя выводы и потом свое мнение не меняла, хоть мир перевернись. Вешала на человека ярлык на всю жизнь и даже от него самого не считала нужным это скрывать. Однажды наш сотрудник занял у нее солидную сумму на неделю, а вернул только через два месяца. Филатова ни разу ему не напомнила, ни разу не спросила, хотя сидели они в соседних комнатах и виделись раз по двадцать на дню. А когда он в следующий раз обратился к ней с такой же просьбой, она ответила: «Володюшка, ты чудный парень, но денег я тебе не дам. Ты человек необязательный и вышел у меня из доверия». Представляете, прямо при всех заявила. Вот в этом она вся...»

«...Мы удивлялись, почему Ирина докторскую диссертацию не пишет. Никто и не сомневался, что ей это по силам. А она отшучивалась, говорила, что ей рано себя хоронить, что не нагулялась еще. Конечно, ее понять можно: пока в совете наши зубры сидят, которые сами докторами наук стали лет в пятьдесят, они Филатову в доктора не пропустят – больно молодая. Но, кажется, наш начальник ее все-таки дожал, особенно после того, как ужесточил требования к замещению должностей ведущих сотрудников. Во всяком случае, в плане института на тысяча девятьсот девяносто второй год стоит ее монография...»

«...Ирина Сергеевна очень болезненно относилась к тому, что в министерстве науку ни в грош не ставят. У нее самообладание было – дай бог каждому, но и темперамент бешеный. Она в министерстве наслушается в свой адрес, да и в адрес института в целом, всяких гадостей, смолчит, зубы стиснет, а в моем кабинете даст себе волю. Особенно тяжело ей пришлось последние два-три месяца, когда Павлов из Штаба МВД России начал к ней цепляться. По несколько раз возвращал ей документы на доработку, это ей-то, за которой в жизни никто ничего не переделывал. Можете мне поверить, если на свете существуют гениальные криминологи, то она – из их числа. А Павлов этот – безграмотный тупица, путает криминологию с криминалистикой, в слове «перспектива» по четыре ошибки делает. Я, как начальник, делал все возможное, чтобы Ирину Сергеевну оградить от него, да куда там! Она, бедная, совсем сникла, как-то даже сказала мне: «Наверное, мы и в самом деле никому не нужны. Вот выйдет моя книга, и уйду я в журналистику»...»

* * *

...Уходя домой, Настя Каменская оставила в кабинете, где стояли столы Ларцева и Короткова, лаконичную записку:

«Павлов из МВД России. Не к спеху, для общей картины.

Целую. А.К.».

* * *

Заказчик не испытывал тревоги. Только легкое недовольство. Он уже знал, что после выполнения заказа возникли непредвиденные осложнения, что вместо дела о несчастном случае расследуется уголовное дело об убийстве. Но в конечном итоге какая ему разница? Расследование лично для него ни малейшей угрозы не представляет. Главное – Филатовой больше нет...

Заказчик вспомнил свою первую встречу с ней почти полгода назад, в январе. Она сидела перед ним спокойная, сосредоточенная, готовая выслушать его соображения и продумать их. А он плохо слышал сам себя, путался в словах и все не мог отвести глаз от ее рук, пытаясь уловить хоть малейший признак волнения. Знает или не знает – вот что мучило Заказчика. Кто бы мог предположить, что они вот так встретятся? Порой она вскидывала ресницы и улыбалась, Заказчику мнилось, как-то по-особенному, с тайным смыслом, но он одергивал себя, стараясь успокоиться и вникнуть в суть дела, которое они обсуждали. А она, казалось, не замечала его волнения, и руки у нее не дрожали.

После той первой встречи Заказчик быстро забыл свои страхи. Он был уверен, что хорошо знает женщин, а женщины не умеют долго сдерживаться и молчать. Если бы она знала, кто он такой, или хотя бы догадывалась, она бы выдала себя.

Потом была вторая встреча и следующая. Так сложилось, что в феврале им пришлось сталкиваться чуть ли не каждую неделю. Заказчик всматривался в ее лицо, походку, вслушивался в спокойный, почти лишенный интонаций голос и не обнаруживал никаких признаков нервозности. «Нет, не знает», – облегченно вздыхал Заказчик, но в следующую же минуту в ее шутках ему слышался злой сарказм, а в улыбке виделась насмешка, в монотонной речи чудилась сдерживаемая ярость. А потом он узнал, что Филатова пишет книгу. К этому моменту нервы его были на пределе, как мотылек к пламени, тянулся он к этой загадочной женщине, используя любой, самый малозначительный повод для встреч, чтобы еще раз пережить мучительные сомнения и в конце облегченно вздохнуть: нет, все-таки не знает. Книга Филатовой тоже была поводом для разговора.

– Когда же вы собираетесь ее писать? – спросил тогда Заказчик. – Вы ведь так загружены плановой работой.

– Открою вам маленький секрет. – Она смотрела на него открыто и дружелюбно. – Книга уже написана. Просто раньше у меня не было возможности ее издать.

– Почему? Что-нибудь сверхкрамольное? – пошутил Заказчик.

– Что вы, никакой крамолы, – засмеялась она. – Просто издать книгу – дело практически неосуществимое, если ты никто и тебя не знают. А теперь у меня есть имя и репутация.

– А как будет называться ваше творение?

– Название пока ориентировочное – «Криминология. Коррупция. Власть». Что-нибудь в таком роде.

– И о чем она, если не секрет?

– Долго объяснять. – Она поморщилась. – Если хотите, я вам лучше рукопись принесу. Может быть, заодно и подскажете, нельзя ли ее издать за гонорар. У нас ведь за это не платят, сами знаете. Договорились? Завтра же завезу вам текст.

Она поднялась, собираясь уходить. Заказчик порывисто вскочил из-за стола, кинулся к вешалке, чтобы подать ей шубку, неловко задел локтем пепельницу. Окурки высыпались на стол...

– Да не нервничайте вы так, Владимир Николаевич. – Филатова взялась за ручку двери. – До завтра.

Стоял теплый слякотный февраль, в комнате было душно даже при открытой настежь форточке. Заказчик почувствовал, что руки его стали ледяными. Значит, все-таки знает...

* * *

Машина свернула с Садового кольца на Каляевскую улицу.

– Дальше куда? – спросил Захаров.

– Все время прямо. Знаешь, я рада, что ты меня нашел. – Настя тронула его за плечо. – Как ты додумался?

– Большого ума не надо, – усмехнулся Дима. – Этот молодой черноглазый – он в вашем отделе работает?

– Доценко? В нашем. Что-нибудь не так?

– Хороший мальчик. – Дима одобрительно кивнул. – Умеет спрашивать. Фразы короткие, ни одного лишнего слова, никакого давления. Чуть-чуть подталкивает, сразу и не заметишь. Уж на что я злой был, а разговор в машине почти дословно вспомнил. Хороший мальчик, – еще раз подтвердил он. – Такой незаменим в работе со свидетелями.

– Да, – рассеянно повторила Настя, – незаменим. И все-таки зачем ты меня искал?

– Сам не знаю. – Захаров пожал плечами. – Жалко мне ее.

– Кого жалко? – удивилась Настя.

– Эту... Филатову. Вот ведь глупость! – Он озадаченно хмыкнул. – Полчаса был с ней знаком, да что там знаком – имя даже не спросил, трое суток из-за нее в камере проторчал и вдруг понял, что мне ее жалко.

– И ты два часа ждал меня на улице, чтобы сообщить об этом?

– Если совсем честно, то я хотел тебе сказать, что буду рад оказаться полезным. Вы там в МУРе все такие, конечно же, умные и опытные, но в жизни всякое случается. Вдруг да пригожусь. Ни разу мне потерпевших не было жалко так, как сейчас. Видно, чем-то она меня задела. Так что имей это в виду.

– Спасибо. Очень трогательно, – суховати ответила Настя. – Сейчас направо на мост. Ты хоть понимаешь, что с тебя самого подозрение еще не снято окончательно?

– Ну что ж поделать, потерплю, – миролюбиво ответил Дима. – Хороший район, зеленый, тихий. Живешь здесь?

– Здесь родители живут. А я на Щелковской.

Прощаясь с Настей, Дима придержал ее за руку, взгляделся внимательно.

– А ты не меняешься. Все такая же девчушка в джинсиках и с длинным хвостом на затылке. Тебе сейчас сколько?

– Тридцать два, – улыбнулась Настя.

– Не замужем?

– Не смей меня. Спасибо еще раз, что подвез.

Когда встал вопрос о размене квартиры, основным аргументом у Настиного отчима было то, что «трое бумагомаз на одной кухне не уживутся». Пока Настя училась в школе и в университете, а Леонид Петрович работал на практике, или, как говорят, «на земле», трехкомнатная квартира была наполовину завалена бумагами и рукописями Настиной матери, известного ученого-лингвиста. Потом и Настя стала выкраивать уголки для своих бесчисленных листочков и мудреных расчетов. А уж когда Леонид Петрович, покончив с практической работой, перешел с должности начальника РУВД в Высшую юридическую заочную школу милиции преподавать оперативно-розыскную деятельность, в квартире стало по-настоящему тесно.

Теперь Настя жила отдельно, на другом конце Москвы, но у родителей бывала часто, особенно с тех пор, как мать на два года пригласили на работу в Швецию. Леонид Петрович был в отличие от Насти человеком хозяйственным, обеды готовить не ленился, но самое привлека-

тельное состояло в том, что квартира родителей находилась гораздо ближе от Петровки, чем Настино собственное жилье. Если остаться ночевать, то утром можно спать минут на сорок дольше.

Уютно устроившись в мягком кресле, Настя смотрела, как отчим разбирает небольшой пластиковый пакет – мать с оказией передала посылку. Вынув маленькую плоскую коробочку, Леонид Петрович протянул ее Насте.

– Твои игрушки. У тебя, наверное, уже полный набор есть?

– Нет предела совершенству, – отшучивалась Настя. И вдруг спросила: – Пап, а кто такой Богданов?

– Богданов? Бывший начальник ГУВД Москвы. Ты в своем уме, родная?

От удивления Леонид Петрович даже выпустил из рук журнал по криминалистической технике, который ему прислала жена.

– Не тот. Богданов из академии, с кафедры организации расследования преступлений.

– А, – облегченно вздохнул отчим. – Знаю, конечно. Родственные кафедры, мы все друг друга знаем. Зачем он тебе?

– На всякий случай. А Идзиковского из Интерпола знаешь?

– Фамилию слышал, но лично не знаком. Еще вопросы?

– А с Филатовой Ириной Сергеевной из НИИ МВД ты встречался?

– Приходилось. Ты что, мой моральный облик проверяешь? Настасья, кончай темнить.

Говори, в чем дело.

– Филатова умерла, – выпалила Настя.

– Да что ты?! – Леонид Петрович охнул и присел на диван. – Может, это не та Филатова? Та была молодая совсем, красивая.

– Та самая, папуль. Убита.

Настя встала с кресла и села на пол рядом с отчимом, положив голову ему на колени.

– Единственная версия, которая есть на сегодняшний день, – убийство из ревности. А у Филатовой все романы – с офицерами из МВД. И я буду сидеть здесь, у твоих ног, как верный пес, до тех пор, пока ты мне не расскажешь, как и чем живут научные работники и преподаватели. Из-за чего они ссорятся друг с другом, на какие темы пишут анонимки, какие шаги предпринимают, чтобы подсидеть другого, каким способом сводят счеты и так далее. Идет?

Леонид Петрович огорченно усмехнулся:

– Вот и с тобой случилось то, чего я всегда боялся, пока работал «на земле». Приходится вести расследование среди своих. Ты даже представить себе не можешь, как это трудно. Особенно когда ты молод. Милицейский круг – тесный круг. Не просто узкий, а именно тесный, не можешь повернуться, чтобы не наткнуться на знакомого, родственника знакомого, сослуживца родственника, бывшего ученика, соседа начальника и прочее. В этом тесном кругу невозможно никого ни о чем спросить, я уже не говорю – допросить, потому что какие могут быть серьезные разговоры между своими? Ты разговариваешь с человеком, которого подозреваешь в преступлении, а он на все твои доводы отвечает: да ладно, да брось ты, ну мы же свои люди, ты же понимаешь. И хлопает тебя по плечу. И предлагает выпить. А чуть что не так – будь уверена, тут же поступит звончек твоему Гордееву, с которым они или в санатории вместе отдыхали, или на банкете водку пили, или еще как-нибудь знакомы. Ты что же это, Виктор Алексеевич, ты давай ребят своих приструни, не годится так, обидели, понимаешь. В общем, наплачешься.

– Нет. – Настя грустно покачала головой. – Не наплачусь. Меня Колобок к ним не выпустит. Плакать будут наши мальчики. Как ты думаешь, папа, почему меня Колобок на привязи держит?

– Ума не приложу. – Леонид Петрович погладил Настю по голове. – Может быть, он знает про твои... м-м-м... мягко говоря, про твои особенности?

– Откуда ему знать? – возразила Настя. – Если только ты ему сказал. Но ты же не говорил? – Она вопросительно подняла голову.

– Разумеется, нет. Зачем же я буду выдавать Гордееву твои секреты, хоть и знаю его давным-давно. Вот, кстати, тебе еще пример тесноты нашего круга. Вообще запомни: этим отличаются две профессии – юридическая и медицинская. Только если в медицине династии приветствуются, то у нас – нет. Считается, что если папа врач, мама врач, сын врач, то это семейная приверженность идеалам гуманизма. А если юрист – сын юриста, то все думают, что непременно бластной, что папочка сынка пристроил.

– А почему так?

– Какая-то правда в этом есть. Все-таки много лет у МВД были и престиж, и власть, и, соответственно, возможности. Часть сынков и прочих родственников и в самом деле были «пристроенные». Но другая-то часть – она совсем иная. Порой это даже бывает трудно объяснить. Вот ты, например, типичная милицмейская дочка. Прекрасно училась в физико-математической школе, перед глазами, с одной стороны, блестящая карьера матери, с другой – этот твой суперматематик Лешка. А ты? Пошла в милицию. Можешь объяснить, почему?

– Не могу, – вздохнула Настя. – Гены, наверное.

– Какие гены? – Леонид Петрович легонько щелкнул Настю по носу. – Твой родной отец в милиции никогда не работал.

– Но воспитывал-то ты, – резонно сказала Настя. – Не отвлекайтесь, папаша, рассказывайте мне про ваши околонукальные дела.

Заканчивался вторник, шестнадцатое июня. День, когда похоронили Ирину Филатову. День, когда освобожденный после семидесяти двух часов пребывания в камере Дмитрий Захаров решил, что убийцу своей случайной попутчицы он бы задавил собственными руками. День, когда давно и глубоко женатый Юра Коротков ни с того ни с сего понял, что влюбился в свидетельницу Люту Семенову, тридцати девяти лет, замужнюю, мать двоих детей. День, когда над ничего не подозревающим полковником Гордеевым проплыло легкое светлое облачко, которого Виктор Алексеевич и не заметил.

* * *

Следующие дни показали, что Леонид Петрович оказался пророком. Коротков, Ларцев и Доценко, работавшие по делу Филатовой и проверявшие версии убийства из корыстных побуждений или из ревности, приходили на работу измученные и раздраженные.

– Чтоб они все провалились! – кричал в сердцах невысокий седоватый Володя Ларцев после беседы с преподавателем Академии МВД Богдановым. – Я его спрашиваю про Филатову, а он смотрит на меня своими холодными глазами и вдруг цедит сквозь зубы: «Вы какой вуз оканчивали? Ах, Московскую школу! Вам оперативно-розыскную деятельность, наверное, профессор Овчаренко читал? Сразу видно, что он вас ничему не научил. Вы совершенно не умеете вести опрос». Каково, а?

Подозрения Короткова в адрес отсутствовавшего на похоронах хирурга Корецкого оказались беспочвенными: на правах старого друга дома он оставался в квартире у Филатовых, помогая готовить стол для поминок. Из всех проверяемых по версии «ревность» он был самым приятным собеседником, но это, подумал Коротков, скорее всего оттого, что сотрудники ГУВД были прикреплены к другой поликлинике, что лишало Корецкого возможности небрежно бросить: «Кто ваш начальник? Гордеев? Знаю, знаю, он у меня лечился».

У всех мужчин, в том числе и у бывшего мужа Филатовой, и у безжалостно брошенного Валеры с двумя автотранспортными судимостями, было твердое алиби и полное отсутствие мотивов для убийства. Семенова не преувеличивала, когда говорила, что Ирина умела организовывать свою личную жизнь, ни в ком не вызывая ни ревности, ни подозрений.

Корыстные мотивы тоже не просматривались. Ирина и ее отец жили на две свои зарплаты, в коммерческой деятельности участия не принимали, богатыми наследниками не были. Из драгоценностей в доме были две золотые цепочки, одна Ирина, другая – с кулоном – ее матери, и три обручальных кольца – самой Ирины и ее родителей. Как сказал отец, Ирочка предпочитала серебро, но и его было немного, хотя вещи отличались изысканным вкусом. Много денег Филатова тратила на книги, любила дорогую парфюмерию и особенно духи. Одежда, напротив, была недорогая и, как выразился Миша Доценко, повседневная. Нет, никаких признаков того, что в семье есть какие-то доходы, помимо зарплаты, не видно. Ни машины, ни дачи. Оставался невыясненным вопрос о деньгах на кооператив, которые Ирина будто бы должна была откуда-то получить. Отец об этих деньгах ничего не знал, как и вообще о том, что Ирина собиралась вступать в ЖСК: «Ирочка очень скрытная была. О радостных событиях никогда не сообщала заранее, всегда постфактум. А о неприятностях тем более не рассказывала». Вопрос так и остался открытым, но был признан Ларцевым и Доценко потерявшим актуальность, так как история произошла, как выяснилось, в 1987 году, то есть пять лет назад.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.